

Нора Робертс
Прощай, прощай, черный дрозд!
Серия «Ева Даллас», книга 19

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122470

Нора Робертс «Прощай, прощай, черный дрозд!», серия «Неожиданный роман»: Эксмо; Москва;

2006

ISBN 5-699-18707-3

Аннотация

Лейн Тавиш – хозяйка антикварного магазина в провинциальном городке. По крайней мере, так полагают местные жители. Никто из них не мог бы и представить, что на самом деле Лейн – дочь отъявленного мошенника, вынужденная скрываться от закона.

Но прошлое возвращается к ней в образе давно исчезнувшего из ее жизни дядюшки Вилли. Его загадочное появление, внезапная смерть под колесами автомобиля, ограбление дома Лейн – звенья одной цепи таинственных и необъяснимых событий, последовавших в ее жизни. Кто и почему преследует молодую женщину?

Тайна многие годы остается нераскрытой, но новое преступление, расследовать которое берется бесстрашная и неумолимая Ева Даллас, приводит к ее разгадке.

Содержание

Часть первая	4
1	5
2	14
3	22
4	30
5	39
6	47
7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Нора Робертс

Прощай, прощай, черный дрозд!

Часть первая

*Он жаждал того, чем владели другие, но от природы был мотом.
Саллюстий*

*Но кто такая я сама?
Ах, в этом вся загадка!
Льюис Кэрролл*

1

Когда в магазин вошел странный маленький человечек, раздался оглушительный удар грома. Человечек с извиняющимся видом оглянулся по сторонам, словно в этом шуме был виноват он, а не природа, и, придерживая локтем какой-то сверток, начал складывать зонтик в черно-белую полоску.

С человечка и зонтика на аккуратный квадратный коврик у дверей стекала вода – на улице лил холодный весенний дождь. Коротышка робко топтался на месте, словно не был уверен, что ему здесь обрадуются.

Лейн повернула голову и тепло улыбнулась посетителю. Друзья называли эту улыбку профессионально вежливой.

Она почему-то была уверена, что дождь отпугнет покупателей, иначе ни за что не дала бы Дженни выходной. Но все получилось наоборот – что еще делать людям в плохую погоду, как не ходить по магазинам? Впрочем, бизнес всегда был для Лейн на первом месте, независимо от погоды. Ни одна женщина не стала бы открывать магазин, если бы не была заинтересована в покупателях. И тем более не стала бы открывать магазин в маленьком американском городке, зная заранее, что болтовня и обмен сплетнями будут занимать у нее столько же времени, сколько и работа за кассой.

«Все верно, – думала Лейн, – все правильно. Но если бы Дженни вышла на работу, вместо того чтобы красить ногти и смотреть по телевизору очередную «мыльную оперу», я могла бы спокойно заняться Двойняшками».

Волосы Дарлы Прайс-Дэвис и Карлы Прайс-Гоэн были выкрашены в одинаковый пепельный цвет. Двойняшки были в одинаковых темно-синих плащах, с одинаковыми огромными сумками. Когда они говорили с посторонними, обычно одна начинала фразу, другая ее заканчивала; между собой же Двойняшки общались на понятном только им языке, который включал выгибание бровей, поджимание губ и покачивание головой.

В восемь лет это наверняка выглядело очень мило, но в сорок восемь казалось, мягко говоря, странноватым. Лейн пришлось напомнить себе, что зато они ни разу не ушли из «Вспомни, когда» с пустыми руками, хотя выбрать могли часами.

Сегодня Двойняшки искали подарок на обручение племянницы, и их не остановил даже ливень. Как не остановил он и промокшую молодую пару, которая, по их собственным словам, из чистейшего каприза заехала в Эйнджелс-Гэп по пути в Вашингтон, округ Колумбия.

Ливень не отпугнул и коротышку с полосатым зонтиком, показавшегося Лейн беспокойным и растерянным. Возможно, поэтому она улыбнулась ему особенно тепло.

– Я подойду к вам через несколько минут, – сказала она и снова переключилась на Двойняшек.

– Посмотрите еще что-нибудь, – предложила им Лейн. – Подумайте. Как только я...

Дарла схватила ее за запястье, и Лейн поняла, что спастись бегством не удастся.

– Ах, милочка, пожалуйста, помогите нам! Карри примерно вашего возраста. Что бы вы сами хотели получить в подарок на обручение?

Намек был достаточно прозрачным. В конце концов, Лейн исполнилось уже двадцать восемь, но она была не замужем. И даже не обручена. А в данный момент вообще ни с кем не встречалась. Двойняшки считали это преступлением против природы.

– Знаете, – пропела Карла, – Карри познакомилась со своим Полом прошлой осенью на вечеринке. Милочка, вам следует чаще бывать на людях.

– Конечно, – широко улыбнувшись, согласилась Лейн. «Если бы я хотела подцепить лысого разведенного агента по торговле недвижимостью, страдающего хроническим

насморком, то так бы и сделала», – подумала она. – Я уверена, что Карри понравится все, что бы вы ни выбрали. Но, может быть, подсвечники – слишком официально для подарка на обручение от тетушек. Они, конечно, красивые, однако вот этот туалетный набор – вещь куда более женственная.

– Да-да, лучше что-нибудь менее официальное, – начала Дарла. – Более...

– Женственное, – подхватила Карла. – А подсвечники мы можем купить для...

– Подарка на свадьбу. Но, может быть, стоит посмотреть украшения, прежде чем мы купим этот туалетный набор. Что-нибудь с жемчугом? Что-нибудь...

– Старинное. То, что она сможет потом надеть на свадьбу. Милочка, отложите нам подсвечники и туалетный набор. Мы посмотрим украшения, а потом примем окончательное решение.

Все это напоминало игру в теннис. Чтобы поддерживать беседу с Двойняшками, требовались внимание и искусство. И того, и другого Лейн хватало.

– Отличная мысль. – Старинные дрезденские подсвечники и в самом деле были великолепны. Никто не мог упрекнуть Двойняшек в скупости или отсутствии вкуса.

Лейн понесла подсвечники к кассе, но тут человек преградил ей дорогу. Они столкнулись нос к носу, и Лейн увидела его водянистые, бледно-голубые глаза с веками, воспаленными то ли от недосыпа, то ли от алкоголя или аллергии. Поскольку под глазами коротышки залегли темные круги, Лейн решила, что во всем виноват недосып. Грива мокрых сивых волос производила жалкое впечатление. У него было дорогое непромокаемое пальто «Барберри» и дешевый складной зонтик за три доллара. Судя по всему, утром он брился второпях, и на подбородке остались клочки седой щетины.

– Лейн...

Он произнес ее имя так уверенно и одновременно интимно, что сбитая с толку Лейн перестала улыбаться.

– Да? Прошу прощения, мы знакомы? – вежливо спросила она.

– Ты не помнишь меня? – Человек понурился. – Конечно, прошло много времени, но я думал...

– Мисс! – окликнула ее женщина, ехавшая в округ Колумбия. – Вы отправляете клиентам купленные товары?

– Да, отправляем. – Она слышала диалог Двойняшек, обсуждавших серьги и броши, и чувствовала, что молодая пара хочет что-то купить. Но коротышка смотрел на нее с такой надеждой, что у нее по спине побежали мурашки. – Прошу прощения, сегодня утром я просто сбиваюсь с ног.

Лейн попятилась к стойке и поставила на нее подсвечники. «Близкие знакомства – неременная принадлежность жизни в маленьких городках», – напомнила она себе. Возможно, этот человек уже бывал здесь, просто она не могла его вспомнить.

– Помочь вам выбрать что-нибудь или вы предпочитаете сначала осмотреться?

– Мне нужна твоя помощь. Это не займет много времени. – Он достал визитную карточку и сунул ее в руку Лейн. – Позвони мне по этому номеру, как только сможешь.

– Мистер... – Она посмотрела на карточку и прочитала фамилию: – Питерсон, я вас не понимаю. Вы хотите что-то продать?

– Нет-нет. – Его смех звучал слегка истерично, и Лейн обрадовалась, что в магазине полно покупателей. – Уже нет. Я все объясню, но не сейчас. – Он обвел помещение взглядом. – Не здесь. Я не должен был приходить сюда. Позвони мне по телефону.

Человек взял Лейн за руку, и она с трудом удержалась, чтобы тут же не вырвать руку.

– Обещай.

От него пахло дождем, мылом и сухим вином. А еще лосьоном после бритья, запах которого казался смутно знакомым. Что-то вдруг щелкнуло в ее мозгу. Ей показалось, что еще немного – и она вспомнит...

– Обещай, – хриплым шепотом повторил он. Лейн очнулась и снова увидела перед собой странного человечка в мокром пальто.

– Конечно.

Лейн следила за тем, как он шел к двери и открывал дешевый зонтик. И облегченно вздохнула, когда дверь за ним закрылась. «Все-таки странно», – подумала она и взглянула на карточку. Его имя было напечатано – «Джаспер Р. Питерсон», – но номер телефона был написан от руки и дважды подчеркнут.

Лейн сунула карточку в карман и пошла к молодой паре, которая уже начала проявлять признаки нетерпения, как вдруг с улицы донесся громкий визг тормозов и испуганные крики. Лейн резко повернулась к окну и услышала глухой удар, страшный звук которого она так и не смогла забыть. В следующую секунду странный маленький человечек в дорогом пальто врезался в ее витрину.

Лейн пулей вылетела за дверь, под проливной дождь, не обращая внимания на скрежет металла о металл и звон бьющегося стекла.

– Мистер Питерсон! – Она опустилась на колени рядом с человечком и схватила его за руку, вглядываясь в залитое дождем окровавленное лицо. – Помогите же кто-нибудь! Вызовите «Скорую»!

– Я видел его. Видел его. Я не должен был приходить. Лейн...

– Держитесь. Помощь близка.

– Оставляю это тебе. Он хотел, чтобы я отдал это тебе.

– Все будет в порядке. – Лейн отвела от глаз мокрые волосы, взяла протянутый кем-то зонтик и раскрыла его над человечком.

– Будь осторожна. Прости. Будь осторожна.

– Буду. Конечно, буду, мистер Питерсон. А теперь попытайтесь успокоиться и лежите тихо. Помощь близка.

– Ты не помнишь. – Человечек улыбнулся, и из уголка его рта потекла кровь. – Малышка Лейни... – Он судорожно вздохнул и закашлял кровью. А потом вдруг запел тоненьким, срывающимся голосом: – До свиданья, заботы, до свиданья, любовь... – Он снова закашлялся. – Прощай, черный дрозд...

Лейн вгляделась в его морщинистое лицо, и внезапно воспоминания, хранившиеся за семью замками, вырвались наружу.

– Дядя Вилли? О боже!

– Она тебе когда-то нравилась... Я дал маху, – еле слышно выдохнул он. – Прости. Думал, это будет безопасно. Не должен был приходить.

– Я не понимаю! – Слезы жгли ей горло, бежали по щекам. Он умирал. Умирал, потому что она не узнала его и выгнала на дождь. – Прости. Прости меня...

– Теперь он знает, где ты. – Его глаза закатились. – Спрячь песика.

– Что? – Лейн склонилась над мужчиной. – Что? – Но рука, которую она держала, уже обмякла.

Ее отстранили фельдшеры. Она слышала их короткий выразительный диалог, хорошо знакомый по телесериалам. Только сейчас этот диалог происходил не на экране, а в жизни. Кровь, которую смывал дождь, была настоящей.

Она слышала женский плач и скрипучий голос, раз за разом повторявший одно и то же:

– Он бросился прямо под колеса моей машины! Я не смогла вовремя остановиться. Что с ним? Он в порядке? Он в порядке?...

«Нет, – хотелось сказать Лейн. – Не в порядке».

– Пойдемте, милочка. – Дарла обняла Лейн за плечи и куда-то потянула. – Вы промокли. Тут уже ничего не поделаешь.

– Я должна что-то сделать. – Она смотрела на сломанный зонтик. Его нелепые полоски были забрызганы грязью и кровью.

Нужно было пригласить его посидеть у камина, дать выпить что-нибудь горячее. Тогда он был бы жив. Рассказывал бы ей сказки и смешил глупыми шутками.

Но она не узнала его, и он умер.

Лейн не могла вернуться в магазин и бросить его одного с совершенно незнакомыми людьми. Но делать было нечего. Оставалось беспомощно следить за тем, как фельдшеры тщетно пытались спасти человека, который когда-то смеялся над ее детскими словечками и пел дурацкие песенки. Он умер у дверей ее магазина, который она с таким трудом создала, и сложил к ее порогу воспоминания, которые Лейн считала давно похороненными.

Она была деловой женщиной, примерным членом местной общины – и в то же время мошенницей. Лейн разливала по чашкам кофе в маленьком кабинете позади магазина и знала, что сейчас будет лгать человеку, которого считает своим другом. Отрицать, что знакома с тем, кого когда-то очень любила.

Она сделала все, чтобы успокоиться, расчесала руками ярко-рыжие волосы и, как обычно, собрала их в узел на затылке. Дождь смыл тщательно наложенную косметику, и она была бледна. На носу и скулах проступили веснушки. Ее глаза, ярко-голубые, как у викингов, от горя и потрясения стали будто стеклянными. Губы, казавшиеся слишком пухлыми для ее некрупного лица, дрожали.

Лейн изучала свое отражение в маленьком позолоченном зеркале, висевшем на стене кабинета, стараясь подготовиться к предстоящему. Она сделает все, что нужно для выживания. Конечно, Вилли бы ее понял. «Сначала то, что нельзя отложить, все остальное потом», – сказала она себе.

Сделав глубокий вдох, Лейн шумно выдохнула и взяла кофе. Когда она вернулась в магазин и приготовилась дать фальшивые показания шефу городской полиции, ее руки почти не дрожали.

Винс Бергер стоял возле маленького изразцового камина. Внешне он напоминал медведя с копной светлых волос, которые торчали во все стороны вокруг широкого симпатичного лица. Его бледно-голубые глаза, окруженные сетью мелких морщинок, смотрели на Лейн с участием.

Винс был мужем Дженни, и Лейн привыкла считать его почти братом. Пришлось напомнить себе, что он коп и что на кону стоит все, чему она посвятила долгие годы.

– Лейн, может быть, присядешь? Ты все-таки испытала сильное потрясение...

– У меня все онемело внутри. – Это было правдой; врать на каждом шагу вовсе не требовалось. И все же она старалась не смотреть в эти полные сочувствия глаза. – Винс, спасибо за то, что ты сам приехал снять с меня показания. Я знаю, как ты занят.

– Я решил, что тебе так будет удобнее.

«Другу лгать легче, чем незнакомому человеку», – с горечью подумала Лейн.

– Не знаю, что я смогу тебе сказать. Самого несчастного случая я не видела. Только слышала... Слышала скрип тормозов, крики, ужасный удар, а потом увидела... – Лейн не стала закрывать глаза: когда она это делала, страшная картина вновь возникала перед ней. – Увидела, как он ударился в витрину с такой силой, словно хотел пробить ее насквозь. Я выбежала наружу и оставалась с ним, пока не приехала «Скорая». Мне показалось, что прошли часы, а на самом деле – всего несколько минут.

– До того, как произошел несчастный случай, он заходил сюда?

Тут Лейн закрыла глаза и приготовилась сделать то, что требовалось для собственного спасения.

– Да. Сегодня утром у меня было несколько посетителей. Я даже подумала, что мне не следовало давать Дженни отгул. Тут были Двойняшки и молодая пара, заехавшая по пути в округ Колумбия. Когда он вошел, я была занята. Какое-то время он был предоставлен самому себе.

– Той молодой женщине показалось, что вы с ним знали друг друга.

– В самом деле? – Лейн постаралась изобразить удивление. – Не понимаю, с чего она это взяла.

– У нее сложилось такое впечатление, – пожав плечами, ответил Винс. – Она сказала, что он взял тебя за руку.

– Да, мы пожали друг другу руки, и он дал мне свою карточку. – Лейн полезла в карман, по-прежнему не глядя на Винса. В камине потрескивал огонь; Лейн чувствовала его тепло, но все равно мерзла. Очень мерзла. – Он сказал, что с удовольствием поговорит со мной, когда я не буду так занята. Может быть, он хотел что-нибудь продать. Люди часто так поступают, – добавила она, протянув Винсу карточку. – На этом стоит мой бизнес.

– Верно. – Он сунул карточку в нагрудный карман. – В этом человеке было что-нибудь особенное?

– У него было очень дорогое пальто и дурацкий дешевый зонтик. Кроме того, он явно не привык бродить по маленьким городкам. У него внешность типичного жителя большого города.

– Такой же была и ты сама несколько лет назад... – Он прищурился и кончиками пальцев погладил ее по щеке. – Это клеймо еще не сошло.

Лейн засмеялась, потому что именно этого он и хотел.

– Винс, мне жаль, что я ничем не могу помочь. Это было ужасно.

– Могу сказать, что у нас есть показания четырех свидетелей. Все говорят, что этот малый выскочил на проезжую часть как раз перед машиной. Как будто его что-то испугало. Лейн, ты не заметила, что он был испуган?

– Честно говоря, я не обратила на него особого внимания. Просто выкинула его из головы, когда поняла, что он не собирается ничего покупать. У меня были посетители... – Лейн покачала головой и сорвавшимся голосом добавила: – Теперь это кажется ужасно жестоким.

Винс положил ладонь на ее руку, и этот успокаивающий жест заставил Лейн ощутить угрызения совести.

– Ты же не знала, что так случится. Ты была первой, кто подоспел к нему.

– Это случилось прямо у моих дверей! – Чтобы избавиться от горечи во рту, вызванной чувством вины, она сделала глоток кофе. – Буквально на пороге.

– Он говорил с тобой.

– Да. Но в его словах не было никакого смысла. Пару раз сказал, что ему очень жаль. Сомневаюсь, что он помнил, кто я такая, или понимал, что случилось. Наверно, бредил. Потом приехали фельдшеры, и... и он умер. Что ты теперь будешь делать? Он ведь не местный – номер телефона нью-йоркский. Я почему-то все время ломаю себе голову, куда он ехал и откуда.

– Придется повозиться, прежде чем мы сумеем оповестить ближайших родственников. – Винс поднялся и положил руку на ее плечо. – Лейн, я не буду советовать тебе выкинуть случившееся из головы – ты все равно не сможешь этого сделать. По крайней мере, какое-то время. Скажу только одно: ты сделала все, что смогла. Никто не может сделать больше того, на что способен.

– Спасибо. Пожалуй, сегодня я закрою магазин. Отправлюсь домой.

– Хорошая мысль. Тебя подвезти?
– Нет, спасибо. – Несмотря на мучительное чувство вины, а может быть, благодаря ему Лейн поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку. – Передай Дженни, что я жду ее завтра утром.

* * *

Человечка звали Вилли Янг. Во всяком случае, он был известен Лейн под этим именем. «Возможно, полностью его звали Уильям», – думала Лейн, сворачивая на гравийную подъездную дорожку. Насколько она знала, Вилли не приходился ей родным дядей, но она привыкла его так называть. Он был для нее тем человеком, у которого в кармане всегда есть красный леденец.

Она не видела его почти двадцать лет. Тогда его волосы были русыми, лицо круглым, а походка пружинистой. Ничего удивительного, что она не узнала сутулого и нервного человека, пришедшего в ее магазин.

Как он нашел ее? А главное, зачем?

Поскольку Вилли являлся ближайшим другом отца Лейн, из этого следовало, что он был таким же вором, мошенником и шулером высшего класса, как и ее отец. Иными словами, подобное знакомство отнюдь не красит уважаемую деловую женщину.

Черт побери, так почему же она чувствует себя такой маленькой, жалкой и виноватой?

Лейн остановила машину и немного посидела, мрачно глядя сквозь работавшие «дворники» на симпатичный домик, стоявший на вершине симпатичного холма.

Она любила его – этот первый в ее жизни собственный дом. Он был двухэтажным и, честно говоря, слишком большим для одинокой женщины. Но ей нравилось бродить по этому просторному дому. Нравилось тщательно украшать каждую комнату, чтобы доставить себе удовольствие. Только самой себе, а не кому-нибудь другому.

Ей больше никогда, никогда в жизни не придется спешно упаковывать пожитки под мелодию песенки «Прощай, прощай, черный дрозд» и пускаться наутек!

Она любила бродить по двору, подрезать кусты, косить газон и полоть сорняки. Делать самые обычные вещи. Простые, нормальные вещи, поскольку первую половину ее жизни назвать нормальной было невозможно.

Она имела на это право, верно? Она имела право быть Лейн Тавиш и жить так, как ей нравится. Город, друзья, бизнес, дом, жизнь... Имела право быть тем человеком, которым сама себя сделала!

В конце концов, если бы она рассказала Винсу правду, это не помогло бы Вилли. Его судьба не изменилась бы, а ее – сколько угодно. Винс и без того скоро узнает, что человек, труп которого лежит в местном морге, никакой не Джаспер Р. Питерсон, а Уильям Янг, известный также под множеством других имен и кличек.

На него наверняка заведено досье. Она знала, чем занимался Вилли, – по крайней мере тогда, когда водил дружбу с ее отцом. Отец называл себя и Вилли «братьями по оружию». В ушах Лейн все еще стоял его зычный смех.

Раздосадованная Лейн вылезла из машины и побежала к дому, на ходу нашаривая ключи. Впрочем, досада прошла, как только за ней захлопнулась дверь. Тишина, запах лимонной политуры для мебели и тонкий аромат весенних цветов, доносившийся со двора, всегда действовали на нее успокаивающе.

Лейн положила ключи на декоративное блюдо, стоявшее на столике в прихожей, вынула из сумки сотовый телефон и сунула его в устройство для подзарядки. Потом сбросила туфли, сняла жакет, повесила его на колонну винтовой лестницы, а сумку положила на нижнюю ступеньку.

Следуя заведенному порядку, Лейн прошла на кухню. Обычно она сразу ставила чайник, а пока он закипал, просматривала почту, вынутую из ящика в начале подъездной аллеи. Но сегодня она налила себе большой бокал вина и сделала первый глоток, стоя у холодильника и глядя в окно на задний двор.

В детстве у нее тоже был двор... пару раз. Где это было? В Небраске? Или в Айове? «Какая разница?» – подумала она и сделала еще один большой глоток. Ей нравился тот двор, потому что в самой его середине росло огромное дерево, к которому отец подвесил старую шину на толстом канате.

Он высоко раскачивал на ней Лейн, и девочке казалось, что она летит.

Она не знала, сколько они там прожили, и сам дом не запомнила. Детство представлялось ей как сплошная череда лиц, мест, автомобильных поездок и спешных сборов. Лучше всего она помнила отца с его зычным смехом, большими руками, чарующей улыбкой и пустыми обещаниями.

Первые десять лет своей жизни она обожала этого человека, а все остальное время отчаянно старалась его забыть.

Если он снова попал в беду, это ее не касается. Она больше не маленькая Лейни, дочь Джека О'Хары. Теперь она Лейн Тавиш, законопослушная обительница маленького городка.

Лейн посмотрела на бутылку, пожала плечами и налила себе еще один бокал. Ради бога, взрослая женщина имеет право выпить у себя на кухне! Особенно после того, как у ее ног умер призрак прошлого.

С бокалом в руке она подошла к задней двери, за которой кто-то скребся и жалобно поскуливал. Стоило ей открыть дверь, пес влетел на кухню, как ядро, лохматое ядро с развевающимися ушами. Он ударил хозяйку лапами в живот, сунулся длинной мордой в лицо и облянчил в доказательство беззаветной любви.

– О'кей, о'кей, я тоже рада видеть тебя. – Каким бы скверным ни было ее настроение, после приветствия Генри оно неизменно улучшалось.

Она спасла его из притона. Во всяком случае, ей нравилось так думать. Когда два года назад Лейн пришла в питомник, она подумывала о породистом щенке. Ей всегда хотелось иметь симпатичного игривого малыша, которого можно будет растить и учить уму-разуму. Но потом она увидела его – большого, неуклюжего, поразительно некрасивого, с шерстью грязного цвета. «Помесь медведя с муравьем», – подумала она. И влюбилась в пса сразу же, как только он посмотрел на нее сквозь прутья клетки.

«У каждого должен быть свой шанс», – подумала она, и эта мысль заставила ее спасти Генри из притона. И он никогда не давал ей повода пожалеть об этом. Любовь пса была абсолютной; он смотрел на хозяйку с обожанием даже тогда, когда Лейн наполняла едой его миску.

– Пора есть, дружок.

После этих слов Генри опустил морду в миску и стал серьезным.

Самой Лейн тоже следовало поесть. Хотя бы для того, чтобы закусить вино. Но, впрочем, стоит ли? Если выпить как следует, можно будет ни о чем не думать и не переживать.

Она прошла в тамбур и проверила внешние замки. Если кто-нибудь решит забраться в дом, он, конечно, сможет это сделать, однако Генри непременно поднимет тревогу.

Пес лаял каждый раз, когда на подъездную аллею сворачивала машина. И хотя наказывал нарушителя границы лишь неумеренным проявлением восторга, облизывая его с ног до головы (когда сам переставал дрожать от страха), гости никогда не заставляли ее врасплох. За четыре года, прожитые ею в Эйнджелс-Гэп, здесь не случилось никаких неприятностей. Ни в доме, ни в магазине.

«До сегодняшнего дня», – напомнила она себе.

Лейн подумывала позвонить матери, но решила, что это не имеет смысла. В последнее время мать спокойно жила с хорошим, надежным человеком. Она заслужила это. Зачем было нарушать эту жизнь и говорить: «Эй, сегодня я случайно столкнулась с дядей Вилли, и то же самое сделал джип «Чероки»?»

Лейн поднялась наверх, захватив с собой бокал, счастливый пес увязался за ней. Она переоденется, подольше погуляет с Генри, несмотря на дождь, потом слегка поужинает, примет горячую ванну, пораньше ляжет спать.

И не будет думать о случившемся.

«Оставляю это тебе», – вспомнила она. Скорее всего, Вилли бредил. Но даже если он что-то оставил Лейн, она в этом не нуждалась.

У нее уже было все, чего она хотела.

Макс Гэннон сунул служителю морга двадцатку, чтобы посмотреть на тело. По собственному опыту он знал, что портрет Эндрю Джексона¹ позволяет проникнуть через оцепление куда успешнее, чем любые пропуска, специальные разрешения и прочая бюрократия.

Он узнал о случившемся от служащего мотеля «Красная крыша», где остановился этот скользкий маленький ублюдок. И первую свою двадцатку за день потратил на то, чтобы получить ключ от номера.

Копы уже побывали там, но еще не забрали одежду Вилли и, судя по всему, даже обыска не провели. Впрочем, с какой стати им было это делать? Обыкновенный несчастный случай. Но как только они установят личность Вилли, то вернуться и начнут рыть землю носом.

Вилли даже не успел распаковать багаж. Макс понял это, как только осмотрел комнату. Носки, нижнее белье и две нарядные рубашки лежали аккуратно сложенные в сумке от Луи Виттона. Вилли, как видно, был франтом и любил фирменные вещи.

Костюм он повесил в шкаф. Солидный серый однобортный костюм от Хьюго Босса. На полу стояла пара черных туфель от Феррагамо с вставленными в них распорками.

Макс порылся в карманах и тщательно исследовал подкладку. Вынул распорки и сунул длинные пальцы в носки туфель. Потом прошел в смежную ванную и изучил туалетный набор от Кристиана Диора. Поднял крышку унитаза, присел на корточки, заглянул за унитаз и под раковину.

На обыск ушло меньше часа, после чего Макс убедился, что Вилли не оставил после себя ничего важного. Выходя, он еще раз окинул взглядом номер, который казался таким же опрятным и нетронутым, каким был до его визита.

Макс подумывал дать портье еще одну двадцатку и попросить ничего не говорить копам, но затем решил, что это может вызвать ненужные подозрения. Забравшись в свой «Порше», он включил Спрингстина и поехал в местный морг, дабы лично убедиться, что человек, по следу которого он шел, лежит во льду.

– Глупо. Черт побери, Вилли, я считал, что ты умнее.

Макс шумно выдохнул и посмотрел на обезображенное лицо Вилли. «Какого дьявола ты вздумал бежать? И что тебе понадобилось в этом захолустье?» – подумал он.

Что или кто?

Поскольку ждать ответа от самого Вилли уже не приходилось, Макс вернулся в Эйн-джелс-Гэп и продолжил распутывать след, стойивший несколько десятков миллионов.

Если вам нужно узнать последние слухи, посетите место, где собираются старожилы.

---

¹ Джексон Эндрю (1767–1845) – седьмой президент США, один из основателей Демократической партии. Его портрет изображен на купюре в двадцать долларов.

Как только Макс принял решение остаться в Эйнджелс-Гэп на день-другой, он снял номер в гостинице «Усталый путник» и принял душ – впервые за двенадцать часов, проведенных в этой дыре. Не отрываясь от ноутбука, он ел очень приличный гамбургер, доставленный в номер, и просматривал файл, составленный местной торговой палатой. В разделе «Вечерний досуг» значилось несколько баров, клубов и кафе. Ему требовалась уютная пивная – место, где соседи могли пропустить пару кружек пива на сон грядущий и поболтать друг с другом о событиях дня.

Он нашел три пивных, которые соответствовали этим требованиям, записал адреса, затем доел гамбургер и вывел на экран карту Эйнджелс-Гэп.

«Довольно симпатичное место», – подумал он. Горные отроги, великолепные виды – настоящий рай для любителей спорта и туризма. Неторопливый уклад жизни всегда привлекателен для тех, кто хочет отрясти прах города со своих ног, а наличие нескольких культурных центров – недурная приманка для жителей недалеких мегаполисов. При желании каждый может провести уик-энд в горах Мэриленда.

Торговая палата красочно расписывала здешние возможности для любителей охоты, рыбной ловли, пешего туризма и прочих видов активного отдыха на природе, но потомственного горожанина Макса это не привлекало. Если бы ему захотелось увидеть медведей и оленей в естественной среде их обитания, он сделал бы это с помощью образовательного телеканала.

И все же городок с крутыми улицами и старинными зданиями из темно-красного кирпича был очарователен. Эйнджелс-Гэп делила надвое широкая излучина Потомака, через которую были перекинuty красивые изогнутые мосты. В небо вздымалось множество церковных шпилей, в большинстве своем медных, позеленевших от возраста и непогоды. Издалека доносились залиvistые свистки проезжавших мимо поездов, которым откликалось долгое эхо. Макс не сомневался, что во время листопада здесь глаза разбегаются от красок, а когда выпадает снег, городок превращается в настоящую рождественскую открытку. Но это отнюдь не объясняло, почему старый пройдоха Вилли Янг свел здесь счеты с жизнью, бросившись под колеса машины на Маркет-стрит.

Решив как можно скорее покончить с этой головоломкой, Макс выключил компьютер, схватил свою любимую летнюю куртку и отправился добывать необходимые ему сведения.

2

В первый из баров Макс даже не стал заходить. Стоявшие у входа «Хоги» и «Харлеи» говорили о том, что здесь собираются рокеры, а не неторопливые горожане, обсуждающие местные новости за кружкой пива.

Из второго бара Макс ушел ровно через две минуты. Это было место сборищ студентов колледжа. Тут звучала странная альтернативная музыка, в углу пара серьезных типов играла в шахматы, в то время как все остальные совершали стандартные ритуалы поиска партнера.

Но в третьем ему повезло.

Бар «Арти» был тем местом, куда мужчина может привести жену, но ни в коем случае не любовницу. Сюда приходили пообщаться, встретиться с друзьями и перехватить кружечку по дороге домой. Макс готов был держать пари, что девяносто процентов посетителей знают друг друга по имени.

Он подошел к стойке, заказал кружку «Бека» и осмотрелся по сторонам. Негромкая музыка, наборы закусок в пластмассовых корзинах. Огромный чернокожий бармен и две официантки, обслуживающие кабинки и столики на четверых.

Первая официантка напомнила Максиму его школьную библиотекаршу. Этой маленькой широкобедрой женщине было где-то под пятьдесят, казалось, она видела все на свете и была не слишком довольна этим зрелищем. Выражение ее глаз говорило, что она не выносит праздной болтовни.

Зато вторая официантка оказалась веселой, кокетливой девушкой лет двадцати с небольшим. Ее фигуру выгодно подчеркивали элегантный черный свитер и разрисованные джинсы. Судя по всему, она любила поболтать; Макс готов был держать пари, что она окажется кладезем информации и с удовольствием поделится ею.

Он улучил минуту, когда девушка подошла к стойке, чтобы получить заказ, и ослепительно улыбнулся ей.

– Трудный сегодня вечер?

Она ответила на улыбку и повернулась к Максиму, что на языке жестов означало приглашение к разговору.

– Бывает и хуже... А вы откуда?

– Я езжу по всей стране. Дела, знаете...

– Судя по акценту, вы с юга.

– Точно. Я родом из Саванны, но давно не был дома. – Он протянул руку: – Макс.

– Привет, Макс. А я Энджи. И какие же дела привели вас к нам в Гэп?

– Страхование.

Ее дядя тоже был страховым агентом, но этому красавчику не годился в подметки. Насколько она могла судить, росту в нем было около ста девяноста сантиметров, большая часть которых приходилась на ноги. Стройный, подтянутый, тонкое худое лицо обрамляют вьющиеся каштановые волосы. Выражение золотисто-карих глаз было дружелюбным, но решительным. Говорил он с ленцой, врасстяжку, а его улыбка была далека от совершенства благодаря чуть кривоватым зубам.

Ей нравились решительные мужчины с небольшими недостатками. Вообще Энджи считала себя в таких делах специалистом. Чертовски хорошим специалистом.

– Страхование? Не морочьте мне голову!

– Почему? Страхование – та же игра. – Он сунул в рот соленый кренделек и снова ослепительно улыбнулся. – Большинство людей любит играть и верит, что будет жить вечно. К сожалению, это невозможно. – Макс поднял кружку, сделал глоток и заметил, что Энджи

посмотрела на его левую руку. Наверняка искала взглядом обручальное кольцо. – Я слышал, что утром какого-то несчастного ублюдка размазало по асфальту на Мэйн-стрит.

– Маркет, – поправила Энджи. – Это случилось сегодня утром на Маркет-стрит. Он бросился прямо под колеса «Чероки» бедняжки Мисси Лигер. Она очень расстроилась.

– Просто ужасно... Но, кажется, это была не ее вина.

– Нет, не ее. Свидетелей было множество, и все говорят, что она ничего не могла сделать. Он выскочил на мостовую прямо у нее перед носом.

– Это тяжело. Наверно, она знала его. В маленьких городках все знают друг друга.

– Нет, его никто не знал. Он был не здешний. Я слышала, что перед этим он заходил во «Вспомни, когда». Я подрабатываю там. Мы торгуем антиквариатом, сувенирами и товарами для коллекционеров. Думаю, он что-то искал... Ужасно. Просто ужасно.

– Конечно... Значит, вас там не было, когда это случилось?

– Нет, сегодня утром я не работала. – Энджи сделала паузу, словно пытаюсь решить, радоваться или горевать из-за того, что она пропустила такое зрелище. – Не понимаю, зачем ему понадобилось опрометью выскакивать на улицу. Шел сильный дождь. Наверно, он не видел машину.

– Не повезло бедняге.

– Да уж...

– Энджи, ты ждешь, что кружки сами побегут к клиентам?

Услышав голос «библиотекарши», Энджи закатила глаза.

– Уже несу. – Она взяла поднос и подмигнула Макс: – Еще увидимся?

– Можете не сомневаться.

Когда Макс вернулся к себе в номер, картина перемещений Вилли была ему ясна. Янг приехал в мотель накануне около десяти вечера и заплатил наличными за три дня. Судя по всему, на возврат денег не рассчитывал. Утром позавтракал в кафетерии, затем сел во взятую напрокат машину, поехал на Маркет-стрит и припарковался в двух кварталах к северу от «Вспомни, когда».

Так как ни в какие другие магазины или офисы он не заходил, Макс сделал вполне логичный вывод, что Вилли, не обращая внимания на дождь, остановился так далеко от места своего назначения либо из осторожности, либо у него была мания преследования.

Поскольку Янг умер, можно было смело ставить на осторожность.

Почему Вилли незаметно исчез из Нью-Йорка, устремился в антикварную лавку крошечного городка и сделал все, чтобы об этом никто не догадался?

Явка? Контакт?

Макс снова открыл компьютер и вывел на экран файл «Эйнджелс-Гэп». Пару раз щелкнув «мышью», он получил сведения о «Вспомни, когда». Все было именно так, как сказала официантка Энджи, – антиквариат, фамильные драгоценности, товары для коллекционеров. Покупка и продажа.

Он занес название магазина в блокнот, добавил слова «Скупка краденого?» и обвел их двумя кружочками. Потом записал часы работы магазина, номера телефона и факса, адрес электронной почты и имя владелицы.

Лейн Тавиш.

Этого имени не было в его списке, но он все же еще раз проверил. Никаких «Лейн», никаких «Тавиш». Но зато в списке значилась Илейн О'Хара. Единственная дочь Большого Джека.

Макс выпятил губы и откинулся на спинку кресла. Может быть, маленькая дочка Большого Джека О'Хары пошла по стопам жулика папочки, сменила имя и тайком переехала в маленький горный городок?

Этот кусок головоломки требовалось срочно положить на свое место.

Четыре года, прожитые в Эйнджелс-Гэп, научили Лейн уму-разуму. Когда она утром открывала магазин, то уже знала, чего следует ждать.

Сначала придет Дженни – как всегда, немного опоздав – и принесет свежие пирожные. Дженни была на шестом месяце беременности и не могла прожить двадцати минут без чего-нибудь жирного и сладкого. В результате и сама Лейн всякий раз со страхом смотрела на циферблат стоявших в ванной весов.

К булочкам добавится термос с травяным настоем, к которому Дженни привыкла за время беременности. Затем подруге захочется узнать все подробности вчерашнего события. Впрочем, какие-то данные у нее наверняка уже имелись – недаром же Дженни была женой шефа местной полиции.

Наполняя ящики кассового аппарата мелочью для сдачи, Лейн думала о том, что ровно в десять у двери магазина наверняка соберутся любопытные. Кое-кто будет делать вид, что пришел по делу, а другие даже не станут скрывать, что явились за сплетнями. Придется повторить пройденное – снова лгать или хотя бы создавать видимость того, что она в первый раз видела человека, называвшего себя Джаспером Питерсоном.

Давно ей не приходилось надевать маску, чтобы прожить очередной день. Но еще неприятнее было сознавать, что эта маска привычно легла на свое место.

Так или иначе, когда в дверь быстро вошла Дженни, опоздавшая на пять минут, Лейн была во всеоружии.

У Дженни было лицо озорного ангела – круглое, нежное, бело-розовое, с умными, чуть раскосыми серо-зелеными глазами. Густые черные кудри она чаще всего небрежно собирала на макушке и одевалась так же небрежно. Сегодня на ней был огромный красный свитер, растянутый на животе, мешковатые джинсы и старые ботинки «Док Мартенс».

Дженни была полной противоположностью Лейн. Неорганизованная, импульсивная, не признававшая никаких правил и чересчур эмоциональная. Именно о такой подруге мечтала Лейн все свое детство. Когда в ее жизни появилась Дженни, она сочла это подарком судьбы.

– Я умираю с голоду. А ты нет? – Дженни поставила коробку на стойку и нетерпеливо сорвала с нее крышку. – Боже, что за запах! Я готова была все съесть по дороге. – Она вонзила зубы в булочку с джемом и заговорила с полным ртом: – Лейн, я волновалась за тебя. Вчера вечером ты сказала, что все нормально, просто немного болит голова, не о чем говорить и все прочее, но я все равно ужасно волновалась.

– Да нет, я действительно в порядке. Это было ужасно, но я в порядке.

Дженни протянула ей коробку:

– Поешь сладкого.

– О боже... Ты знаешь, сколько мне придется работать, чтобы этот жир не отложился у меня на заднице?

Дженни только улыбнулась, задумчиво погладила живот и пристально посмотрела на Лейн, которая после недолгих колебаний все-таки взяла трубочку с кремом.

– Похоже, ты не слишком хорошо спала.

– Да. Не могла найти себе места. – Лейн снова посмотрела на витрину, хотя дала себе зарок этого не делать. – Наверно, я была последней, с кем он разговаривал. А я отвадила его, потому что была занята.

– А ты представляешь, как сегодня себя чувствует Мисси? Хотя она виновата ничуть не больше твоего. – Дженни прошла в заднюю комнату и вернулась с двумя кружками. – Сладкое нужно запивать чаем. А сегодня нам особенно необходимо подкрепиться – скоро тут начнется настоящая бойня.

– Я знаю.

– Ты знаешь далеко не все! Винс просил пока никому не говорить, но ведь рано или поздно это выйдет наружу. А поскольку тебя это касается непосредственно...

«Ну, началось», – подумала Лейн.

– Так чего же я не знаю?

– Во-первых, настоящее имя этого человека не такое, как на карточке, которую он тебе дал.

– Неужели?

– Во-вторых, имена, которые значатся в его водительских правах и на кредитных карточках, тоже ненастоящие. Они вымышлены! – с жаром продолжила Дженни. – На самом деле его звали Уильям Янг. Ясно? Он уголовник.

Лейн не могла вынести, что человека, которого она когда-то так любила, называют уголовником. Как будто это самое главное... Но тяжелее всего было то, что она не могла заступиться за него.

– Ты шутишь? Этот коротышка?

– Мошенничество, воровство, скупка краденого, и это только доказанные обвинения. Судя по тому, что мне удалось выудить из Винса, он считает, что там было еще многое другое. Лейн, он профессиональный вор! Вор в законе. И, возможно, приехал сюда, чтобы создать притон.

– Дженни, ты смотришь слишком много старых фильмов.

– Перестань! А если бы ты была здесь одна? А если бы у него был пистолет?

Лейн слизнула с пальцев сахарную пудру.

– Значит, пистолета не было?

– Нет, но вполне мог быть. Этот человек мог ограбить тебя.

– Вор в законе приезжает в Эйнджелс-Гэп только ради того, чтобы ограбить мой магазин? Ну, знаешь... По-моему, ты перегнула палку.

Дженни попыталась нахмуриться, но не смогла и громко расхохоталась.

– О'кей, может быть, он и не собирался создавать здесь притон. Но что-то на уме у него было. Он ведь дал тебе свою визитную карточку, верно?

– Да, но...

– Значит, он, наверно, хотел продать тебе украденные вещи. Такому человеку вполне могло прийти голову, что здесь торгуют краденым. Я сказала Винсу, что этот Янг мог недавно совершить кражу, а с его постоянным скупщиком что-нибудь случилось, и ему пришлось срочно искать другой способ сбыта.

– И изо всех антикварных магазинов мира он выбрал именно мой? – Лейн засмеялась, но ей стало не по себе. Ведь Вилли действительно мог приехать к ней именно за этим.

– Ну, если он должен был куда-то обратиться, то почему не к тебе?

– Потому что это жизнь, а не телесериал.

– И все же ты должна признать, что это очень странно.

– Да, странно. И грустно. Но уже почти десять, Джен. Пора открывать магазин. Посмотрим, что нам принесет новый день.

Как и следовало ожидать, новый день принес кучу зевак и сплетников, однако Дженни успевала обмениваться гипотезами с покупателями и одновременно пробивать чеки. Возможно, это было проявлением трусости, но Лейн выкинула белый флаг и сбежала в свой кабинет под предлогом того, что у нее накопилось много канцелярской работы.

Не прошло и двадцати минут, как в дверь просунулась голова Дженни.

– Милочка, ты должна это видеть!

– Там что, собака, которая показывает фокусы?

– Лучше! – Дженни кивнула в сторону магазина и исчезла.

Заинтригованная, Лейн пошла за подругой и увидела потрясающего мужчину, который рассматривал на свет зеленый стеклянный стакан. Изделие времен Великой депрессии казалось слишком хрупким и женственным для человека в потертой летней куртке и поношенных туристских ботинках. Но мужчина аккуратно поставил стакан на стойку и начал рассматривать следующий.

– Ну, как? – Дженни подмигнула. – По-моему, он сам похож на большой стакан с напитком, который женщине хочется выпить одним глотком.

– Беременные замужние женщины не облизываются на незнакомых мужчин.

– Это не значит, что мы не имеем права мечтать.

– Ты смешиваешь разные вещи. – Лейн подтолкнула подругу локтем. – Перестань пялиться и ступай за кассу.

– Тогда займись им сама. Ты у нас пока еще не беременная.

Не успела Лейн открыть рот, как Дженни прошмыгнула мимо нее. Забавно... Она подошла к посетителю и профессионально улыбнулась.

– Я могу вам чем-нибудь помочь?

Когда мужчина обернулся и посмотрел на нее, Лейн почувствовала себя так, словно получила удар в солнечное сплетение. Все связанные мысли разом вылетели из головы, и осталась только одна: «Вот это да!...»

– Буду очень рад. – Незнакомец продолжал держать стакан, но смотрел на нее.

«У него глаза тигра, – смутно подумала она. – Глаза большой и опасной кошки». А от легкой улыбки, с которой он смотрел на нее, у Лейн закружилась голова.

– Гм-м... – Потрясенная собственной реакцией, она еле заметно улыбнулась и покачала головой. – Прошу прощения, я слегка задумалась... Вы что-то коллекционируете?

– Пока что нет. А вот моя мама – да.

– Ох... – У него есть мама? Очень мило! – Она на чем-то специализируется?

Незнакомец снова улыбнулся, и Лейн окончательно потеряла голову.

– Нет. Ей нравится... все неожиданное. И мне тоже. – Он поставил бокал. – Вроде этого места.

– Простите?...

– Ваш магазин – настоящий остров сокровищ. Только не в море, а в горах.

– Спасибо.

«И ты тоже – сокровище», – подумал Макс. Яркие волосы, яркие глаза, яркая улыбка – удивительно сексуальная женщина. Она не пялилась на него во все глаза, как та брюнетка, но ее взгляд обещал: «Я удивлю тебя».

– Вы из Джорджии? – спросила Лейн, слегка приподняв левую бровь.

– Угадали.

– Я хорошо разбираюсь в произношении. У вашей матери скоро день рождения?

– Она перестала их отмечать лет десять назад. Теперь мы называем этот день просто «днем Марлен».

– Умная женщина. Эти стаканы поступили к нам совсем недавно. Нечасто встретишь полный набор из шести предметов в идеальном состоянии. Если возьмете его целиком, сделаю скидку.

Он снова взял стакан, но продолжал смотреть на нее.

– Торговаться можно?

– Нужно. – Она подошла ближе, взяла второй стакан и посмотрела на ярлычок, приклеенный к доньшку. – Как видите, один стакан стоит пятьдесят долларов, но если возьмете набор целиком, это будет стоить двести семьдесят пять.

– Не подумайте ничего плохого, но мне очень нравится запах ваших духов. – «Есть ароматы, которых ты не замечаешь, пока они не схватят тебя за горло», – добавил он про себя. – Отличный товар. Двести двадцать пять.

Лейн никогда в жизни не флиртовала с покупателями, но против воли повернулась к нему, оказавшись чуть ближе, чем требовала ситуация, посмотрела в его опасные глаза и улыбнулась.

– Спасибо. Я рада, что вам понравилось. Двести шестьдесят. Это мое последнее слово.

– Отправьте их в Саванну и поужинайте со мной. Это тоже мое последнее слово.

Сколько лет прошло с тех пор, как она в последний раз ощущала жар в крови?

– Насчет отправки договорились. Я, пожалуй, выпью с вами, а насчет ужина не обещаю. Соглашайтесь. Это хорошее предложение.

– Ну что ж, и на том спасибо. В семь часов подойдет? В «Путнике» неплохой бар.

– Вы правы. В семь подойдет. Как предпочитаете платить?

Он вынул кредитную карточку и протянул Лейн.

– «Макс Гэннон», – прочитала она. – Просто Макс? Не Максвелл, не Максимилиан, не Максфилд?

– Просто Макс, – очень решительно ответил он.

– Ладно, просто Макс. – Лейн прошла за стойку и положила на нее анкету для доставки. – Пожалуйста, заполните форму. Мы отправим товар сегодня днем.

– Очень удобно. – Он наклонился над стойкой и заполнил анкету. – Теперь вы знаете мое имя. А как зовут вас?

– Тавиш. Лейн Тавиш.

Он слегка улыбнулся и поднял взгляд.

– Просто Лейн? Не Илейн?

Она и глазом не моргнула.

– Просто Лейн. – Она пробила чек и протянула ему красивую подарочную открытку из золотой фольги. – Если захотите что-нибудь написать матери, мы вложим открытку в коробку и сделаем подарочную упаковку.

Тут прозвенел звонок, и в магазин вошли Двойняшки.

– Лейн, дорогая! – Карла устремилась напрямик к стойке. – Как вы себя чувствуете?

– Нормально. Абсолютно нормально. Сейчас я к вам подойду.

– Мы ужасно волновались, правда, Дарла?

– Ужасно.

– И совершенно напрасно. – Лейн едва не ударилась в панику. Разговор с Максом заставил ее забыть о бедном Вилли. – Сейчас я закончу и подойду к вам, – повторила она.

– Не торопитесь. – Карла наклонила голову и заглянула в анкету для доставки. – О, Саванна! Наша Лейн может гордиться тем, как она обслуживает покупателей, – сказала она Макс.

– Совершенно с вами согласен. А видеть вас, леди, это двойное удовольствие.

Обе дружно вспыхнули.

– Мистер Гэннон, вот ваша карточка и чек.

– Спасибо, мисс Тавиш.

– Надеюсь, подарок понравится вашей матушке.

– Не сомневаюсь. – Он улыбнулся Лейн глазами, а потом повернулся к Двойняшкам:

– До свидания, леди.

Все три женщины долго в молчании смотрели ему вслед. Наконец Карла тяжело вздохнула и просто сказала:

– Ах, как жаль...

Улыбка исчезла с лица Макса, едва он вышел на улицу. «Мне нечего стыдиться, – сказал он себе. – Здоровый одинокий мужчина имеет полное право выпить с привлекательной женщиной в конце трудового дня».

Да, стыдиться было нечего. Лгать, притворяться, кривить душой и морочить людям голову – все это часть его работы. Тем более что он ей не лгал... пока. Он солжет ей только в том случае, если она причастна к этому. Ну а если она действительно причастна, то небольшая ложь – пустяк по сравнению с тем, что ей предстоит.

Макса тревожило то, что его подсознание молчало. Он обладал развитой интуицией и именно поэтому хорошо справлялся со своей работой. Но Лейн Тавиш ослепила его, и он ощущал только одно: не слишком сильное, но очень приятное физическое влечение.

Однако если не думать о больших голубых глазах и сексуальной улыбке, существовала большая вероятность того, что она влипла в это дело по самую прелестную шейку. А Макс привык всегда учитывать вероятности. Вилли нанес этой женщине визит, а потом его размазало по мостовой у самых дверей ее магазина. Когда он узнает почему, это будет большим шагом вперед.

Если для этого понадобится лгать – что ж, тем хуже для нее...

Макс вернулся в номер гостиницы, вынул из кармана чек и тщательно изучил отпечатки. Ему повезло: отпечатки большого и указательного пальца оказались отчетливыми. Он сделал цифровые изображения и отослал другу, который мог проверить их, не задавая лишних вопросов.

Потом сел в кресло, подвинул к себе клавиатуру компьютера и вышел на большую информационную дорогу.

Во время работы Макс выпил целый кофейник, съел сэндвич с курицей и очень приличный яблочный пирог. Он быстро узнал домашний адрес Лейн, номер телефона, адрес электронной почты, а заодно выяснил, что она купила дом и открыла магазин на Маркет-стрит четыре года назад. До того жила в Филадельфии в многоквартирном доме.

Используя не совсем этичные методы, он счищал с Лейн Тавиш слой за слоем и постепенно начинал видеть картину. Она закончила университет штата Пенсильвания; ее родителями значились Мэрилин и Роберт Тавиш.

«Забавно, не правда ли? – думал Макс, постукивая пальцами по столу. Бывшую жену Джека О’Хары тоже звали Мэрилин. – Не многовато ли совпадений?»

– По самую прелестную шейку, – пробормотал он и решил, что настало время заняться настоящим хакерством.

Существовали разные способы добывать кусочки информации, которые вели к новым кусочкам. Официально выданное разрешение на право торговли висело в магазине Лейн на самом видном месте. Номер этого разрешения стал для него трамплином.

Несколько тонких манипуляций позволили Максиму ознакомиться с текстом заявления на получение разрешения и узнать номер ее страхового полиса. Используя эти данные, интуицию и собственное ненасытное любопытство, он изучил купчую на дом, узнал название ее банка и теперь мог, нарушив несколько законов, получить доступ к ее финансовым счетам.

Это было бы забавно (потому что, бог свидетель, он обожал высокотехнологичные способы), но цель заключалась не столько в выяснении нынешнего материального положения Лейн, сколько в установлении того, что послужило его основой. Поэтому он снова вернулся к родителям и начал поиск, для которого потребовалось заказать в номер второй кофейник. Когда он наконец отыскал Роберта и Мэрилин Тавиш в Таосе, штат Нью-Мексико, то только покачал головой.

Лейн не была похожа на цветок Дикого Запада. Нет, она явно была с Восточного побережья, причем из большого города. Но Боб и Мэрилин (как он уже привык их называть) числились владельцами какого-то ресторанчика под названием «Загон», где готовилось барбекю

по-западному, и даже имели свою страницу в Интернете. Там Макс обнаружил фотографию счастливых владельцев ресторана, стоявших рядом с огромным картонным ковбоем. Он увеличил фотографию и вывел ее в печать. Приложенное к фотографии меню выглядело весьма внушительно. Через сайт можно было заказать «Потрясающий шашлычный соус Роба».

«Значит, Роб, – поправил себя Макс. – Не Боб».

Они казались очень довольными, думал – обычные работяги, которые до смерти рады, что наконец-то стали хозяевами. Мэрилин Тавиш совсем не была похожа на бывшую жену – и, возможно, соучастницу – вора в законе и мошенника-виртуоза, который не просто притворился аристократом, но в какой-то степени действительно был им.

Эта женщина больше напоминала кухарку, которая одной рукой делает вам сэндвич, а в другой держит ведро с помоями.

Макс отметил, что «Загон» работает уже восемь лет; это означало, что они основали дело еще тогда, когда Лейн училась в университете. В досье Роберта Тавиша хранилась вырезка из местной газеты, сообщавшая об открытии ресторана. Макс тщательно изучил ее, обращая внимание на детали. Выяснилось, что Роб всегда мечтал завести собственное дело, а потому воспользовался приданым жены, чтобы не дать пропасть втуне своему кулинарному таланту, который раньше использовал только для того, чтобы угощать друзей и соседей во время пикников. К моменту открытия ресторана Тавиши были женаты шесть лет и, если верить статье, познакомились в Чикаго, где Мэрилин работала официанткой, а Роб – дилером компании «Крайслер». Тут же было краткое упоминание о дочери, которая изучала бизнес в одном из университетов на Восточном побережье. И ни слова о том, что Лейн – не родная дочь Роба. Ни слова о первом муже Мэрилин Тавиш.

Другие статьи сообщали об участии Роба в политической жизни городка и работе Мэрилин в местном совете. Еще одна заметка была посвящена пятилетнему юбилею «Загона», в честь которого состоялся грандиозный пикник, включавший катание детей на пони. Заметка сопровождалась фотографией счастливой пары, рядом с которой стояла смеющаяся Лейн.

О боже, она была сногшибательна! Хохочет, запрокинув голову, с любовью обнимая за плечи мать и отчима. Светлая блузка в стиле Дикого Запада, с бахромой на карманах; почему-то эта бахрома сводила Макса с ума.

Сейчас, когда Лейн стояла с матерью плечом к плечу, он сумел заметить фамильное сходство. Разрез глаз, очертания губ... Но сомневаться не приходилось: волосы, эти ярко-рыжие волосы достались ей в наследство от Большого Джека. Теперь Макс был в этом уверен.

Все совпадало. Пока Джек мотал небольшой срок в тюрьме, Мэрилин подала на развод, быстро оформила его, воспользовавшись мягкими законами штата Индиана, забрала ребенка и уехала в Джэксонвилл, штат Флорида. Полиция несколько месяцев тайно следила за ней, но Мэрилин вела праведный образ жизни, работала официанткой, и в конце концов ее оставили в покое. А через два года она вышла замуж за Роберта Тавиша.

Может быть, Мэрилин искренне хотела начать новую жизнь. Ради себя и ради ребенка. Если только это не было тщательной маскировкой, за которой скрывался тонко рассчитанный долгосрочный план. Обнаружить истину – вот в чем состояла сейчас главная задача Макса.

3

– Что я делаю? Я никогда раньше так не поступала.

Дженни посмотрела через плечо Лейн в зеркало ванной, где отражались они обе.

– Ты собираешься выпить с потрясающе красивым мужчиной. А почему ты до сих пор этого не делала, нужно спросить у врача.

– Я даже не знаю, кто он такой. – Лейн опустила тюбик губной помады, которым так и не успела воспользоваться. – Джен, я столкнулась с ним совершенно случайно, столкнулась в собственном магазине...

– А где еще женщине столкнуться с сексуальным парнем, как не в собственном магазине? Крась губы. – Дженни опустила глаза и посмотрела на пса, который колотил хвостом по полу. – Вот видишь? Генри со мной согласен.

– Надо было позвонить в гостиницу, оставить ему сообщение, сказать, что что-нибудь случилось...

– Лейн, не говори глупостей! Крась губы, а то опоздаешь.

– Нет, я просто поверить не могу, что ты сумела уговорить меня закрыть магазин на полчаса раньше. Не могу поверить, что это оказалось так легко! – Лейн накрашила губы и уставилась на тюбик. – У меня явно что-то с головой. Как будто молнией шарахнуло. Представляешь, мне хотелось стащить с него рубашку и укусить в шею...

– Так валяй! Флаг тебе в руки!

Лейн засмеялась и повернулась к подруге.

– Нет уж... Так и быть, выпить с ним я выпью. Не прийти было бы просто невежливо, верно? Но больше – ни-ни! В конце концов, здравый смысл еще никто не отменил. Я приду домой, закрою дверь и забуду про это маленькое приключение. – Она раскинула руки. – Как я выгляжу? О'кей?

– Лучше.

– Лучше, чем о'кей? Этого вполне достаточно. Ну ладно, мне пора.

– Ступай с богом. Я сама запру дом, а Генри отведу в тамбур. Ты же не хочешь, чтобы от тебя пахло псиной?

– Спасибо. И за моральную поддержку тоже. Я чувствую себя полной идиоткой.

– Если ты решишь... э-э... продолжить вечер, позвони мне. Я приду и возьму Генри, прогуляюсь с ним на сон грядущий.

– Еще раз спасибо, но «продолжать вечер» я не собираюсь. Мы просто выпьем, и все. Думаю, за час я управлюсь. – Лейн поцеловала подругу в щеку. – До завтра, – сказала она и быстро спустилась по лестнице.

Ехать домой, а потом снова возвращаться в город было глупо, но Лейн радовалась, что совершила эту глупость. Хотя Дженни так и не удалось уговорить ее надеть маленькое черное платье (это слишком бросалось бы в глаза), но переодеться и в самом деле следовало. Тонкий ярко-зеленый свитер был красивым и в то же время достаточно непринужденным, чтобы ее не поняли неправильно.

А что значит в этой ситуации быть понятой правильно? Об этом она не имела представления. Во всяком случае, пока.

Лейн вошла в гостиницу, ощущая легкий приступ паники. Она отвыкла от таких вещей. Приглашение было достаточно небрежным. А вдруг он не придет? Кошмар... А она будет сидеть в баре, как дура, и злиться...

О господи, если она нервничает из-за такого пустяка, как посещение приличного общественного места, это значит, что ее женские чары совсем заржавели.

Она миновала дверь из матового стекла и улыбнулась женщине, стоявшей за черным дубовым баром.

– Привет, Джеки.

– Привет, Лейн. Чем тебя угостить?

– Пока ничем. – Она обвела взглядом тонувший в полумраке зал, красные плюшевые диваны и кресла. Несколько бизнесменов, две пары, три молодые женщины (скорее всего, устроившие девичник перед свадьбой). И никаких следов Макса Гэннона.

Лейн выбрала столик прямо напротив двери, но села так, чтобы ее не сразу можно было увидеть. Хотела взять меню – просто для того, чтобы чем-то занять руки, – однако потом решила, что Макс может подумать, будто она скушает. Или умирает с голоду.

Поэтому она вынула сотовый телефон и проверила, нет ли сообщений на автоответчике. Конечно, никаких сообщений не было, потому что она ушла из дома всего двадцать минут назад. Но кто-то дважды звонил с интервалом в несколько минут.

Лейн нахмурилась – и тут услышала голос Макса:

– Неприятные новости?

– Нет. – Вспыхнув от удовольствия, она сунула телефон в сумочку. – Ничего важного.

– Я опоздал?

– Нет, это я слишком поторопилась. – Лейн удивило, что он сел рядом с ней на маленький диван, а не в кресло напротив. – Что делать? Привычка.

– Я уже говорил, что мне очень нравится аромат ваших духов?

– Да... А я так и не спросила, что вы делаете у нас в Гэпе.

– Занимаюсь бизнесом. Но решил на несколько дней задержаться из-за местных достопримечательностей.

– И правильно сделали. – Лейн с удивлением осознала, что больше не нервничает. – Достопримечательностей у нас хватает. Если вы любите пеший туризм, то в горах проложено несколько замечательных маршрутов.

– А вы? – Макс наклонился к ней. – Любите пеший туризм?

– К сожалению, магазин почти не оставляет свободного времени. Наверное, так же, как и ваш бизнес?

– О, я занимаюсь им круглые сутки, – улыбнулся он.

– Что вам принести? – спросила подошедшая к столику официантка.

«Новенькая, – подумала Лейн. – Во всяком случае, я ее не знаю».

– Коктейль «Бомбей». Со льдом и двумя оливками.

– Чудесно. Принесите два... Вы выросли здесь? – спросил Макс, когда официантка отошла.

– Нет, но думаю, что это было бы неплохо. Городок маленький, но при этом не захолустье. Толп народа нет, а до Нью-Йорка и прочих гигантов рукой подать. И горы мне нравятся.

Лейн еще помнила эту часть ритуала первого свидания. Боже, неужели за ней так давно не ухаживали?

– А вы все еще живете в Саванне?

– Нет. Главным образом в Нью-Йорке. Но я много езжу по стране.

– Зачем?

– Для удовольствия и по делам службы. Я занимаюсь страхованием. Но не беспокойтесь, я ничего не собираюсь вам предлагать.

Официантка принесла поднос, наполнила стаканы из шейкера, поставила на стол серебряную вазочку с засахаренными орешками и неслышно удалилась.

Лейн подняла стакан и улыбнулась Макс, глядя на него поверх ободка:

– За здоровье вашей матушки.

– Спасибо. Ей было бы очень приятно. – Гэннон чокнулся с ней. – Может быть, расскажете, как вам пришло в голову открыть антикварный магазин?

Лейн пожала плечами:

– Мне хотелось иметь собственное дело, а старинные вещи я всегда любила – в них отражается связь времен. – Полностью освоившись, она взяла стакан, откинулась на спинку диванчика и слегка повернулась, чтобы было удобнее разговаривать и смотреть друг другу в глаза. – Кроме того, мне всегда нравилось покупать, продавать и следить за тем, что продают и покупают другие. Я сложила то и другое и открыла «Вспомни, когда». А каким именно страхованием вы занимаетесь?

– Корпоративным. Но это скучно... Ваши родные тоже живут здесь?

«О'кей, – подумала Лейн, – о своей работе он говорить не хочет. Ну что ж...»

– Родители живут в Нью-Мексико. Переехали туда несколько лет назад.

– Братья, сестры?

– Я – единственный ребенок. А вы?

– У меня есть сестра и брат. А также целая куча племянников и племянниц.

– Вам повезло, – искренне сказала Лейн. – Я всегда завидовала большим семьям. Шум, ссоры, товарищество, соперничество...

– Чего-чего, а этого хватало. Если вы выросли не здесь, то где же?

– Мы часто переезжали с места на место. Из-за работы отца.

– Вот как? – Макс взял орешек и надкусил его. – Чем же он занимался?

– Он... он торговал. – Как еще можно было описать профессию Большого Джека? – Мог продать что угодно кому угодно.

В ее голосе прозвучала нотка гордости, составлявшая странный контраст с потемневшими глазами. Что не ускользнуло от внимания Макса.

– Но больше этого не делает?

Лейн сделала глоток, пытаясь выиграть время и собраться с мыслями. «Чем проще, тем лучше», – напомнила она себе.

– Мои родители открыли маленький ресторан в Таосе. Просто чтобы не скучать на пенсии. И теперь возятся с ним, как с любимым ребенком.

– Вы скучаете по ним?

– Да, но ресторанный бизнес никогда меня не привлекал. Я хотела чего-то другого – поэтому и оказалась здесь. Я люблю Гэп. Это место как раз для меня. А у вас есть свое место?

– Может быть. Но пока я его не нашел.

К ним снова подошла официантка.

– Еще по коктейлю?

Лейн покачала головой:

– Я за рулем.

Гэннон попросил счет и подал Лейн руку.

– Я заказал столик в здешнем ресторане на случай, если вы передумаете. Пожалуйста, передумайте и поужинайте со мной.

У этого человека были такие чудесные глаза и такой чарующий голос – мягкий, но решительный, – что его можно было слушать вечно. В конце концов, почему бы и нет?

– Что ж... С удовольствием.

Макс считал, что приятное вполне можно совмещать с полезным, если не забывать о том, что важнее. Он знал, как вести беседу и добывать нужную информацию. А то, что он испытывал к Лейн личный интерес, не мешало работе.

Точнее, не должно было ей помешать.

Он больше не был уверен, что Лейн увязла в этом деле по шею. И эта мысль не имела ни малейшего отношения к тому, что его так влекло к ней. Здесь это было совершенно ни при чем. Ее мать вкалывала с мужем номер два в Нью-Мексико, Лейн вкалывала в Мэриленде, а Большой Джек вкалывал неизвестно где. Так что эту троицу ничто не связывало. А он достаточно разбирался в людях и понимал, что Лейн держала магазин не для отвода глаз. Она любила свое дело и была тесно связана со здешними жителями.

Но это не объясняло ни загадочный визит Вилли, ни его смерть. Не объясняло, почему она не сказала местной полиции, что знает его. Впрочем, невинные тоже далеко не всегда откровенничают с копами.

С другой стороны, Лейн так тщательно скрывала свое прошлое и так искусно путала отца с отчимом, что не слишком внимательный слушатель счел бы их одним человеком. Когда они говорили о семье, она ни словом не упомянула о разводе родителей. И это наводило на мысль, что Лейн умеет быть скрытной, если хочет этого.

Жаль, но придется потревожить прах Вилли...

– Я слышал, что рядом с вашим магазином произошел несчастный случай, – заметил Макс, пристально глядя на нее.

Лейн сжала ложку так, что побелели костяшки пальцев, но это было единственным признаком овладевшей ею тревоги. Потом она снова начала помешивать кофе, который им подали на десерт.

– Да, это было ужасно. Должно быть, он не видел машины... из-за дождя.

– Он заходил к вам магазин?

– Да, как раз перед этим. Просто осматривался. Я едва успела сказать ему пару слов: у меня были другие посетители... Никто не был виноват в случившемся. Просто трагическое стечение обстоятельств.

– Он был не здешний?

Лейн посмотрела ему в глаза.

– Скорее всего, нет. Во всяком случае, до сих пор он ни разу не был у меня в магазине. Думаю, он зашел на несколько минут просто для того, чтобы укрыться от дождя. День был отвратительный.

– Можете не рассказывать: я весь этот день провел за рулем. Кажется, приехал сюда всего через пару часов после того, как это произошло. И куда бы потом ни заходил, всюду слышал разные версии случившегося. В одном месте – правда, лично я думаю, что это чушь, – говорили, что он был вором международного класса и специализировался на драгоценностях.

В глазах Лейн неожиданно отразилось какое-то глубокое чувство. Гэннон был убежден, что это если не любовь, то привязанность.

– Вор международного класса, – пробормотала она. – О господи, какая чушь... Люди иногда говорят самые странные вещи, правда?

– Да уж... – Гэннон давно занимался этим делом, но теперь окончательно убедился, что Лейн – она же Илейн О'Хара – не знает очень многого. Она понятия не имеет о том, что ее отец, Уильям Янг и третий соучастник, личность которого пока так и не удалось установить, шесть недель назад совершили крупную кражу.

Гэннон провожал ее до машины, изо всех сил пытаясь думать только о том, каким образом использовать Лейн в качестве рычага. О том, что можно будет сказать ей, а что нет, когда придет время. Конечно, если оно придет.

Но думать об этом было трудно. Холодный весенний ветер трепал волосы Лейн и доносил до Макса аромат ее духов.

– Холодно, – пробормотал он.

– Иногда вечера здесь бывают холодными до начала июня, а иногда можно изжариться уже в мае.

«Он уедет еще до того, как вечера станут теплее», – сказала себе Лейн. Следовало помнить об этом. Нельзя было забывать о здравом смысле. Но она устала, чертовски устала руководствоваться здравым смыслом!

– Я прекрасно провела время. Спасибо. – Она повернулась к Макс, провела руками по его груди, обняла за шею и крепко поцеловала в губы.

Именно этого она и хотела – и к черту здравый смысл! Она смертельно соскучилась по бешеному току крови, которым сопровождается любое опасное действие. Она слишком долго жила спокойно. Всю вторую часть своей жизни. В которой не было ничего, кроме спокойствия.

Так было лучше. Это жаркое, ошеломляющее столкновение губ, языков и зубов было лучше спокойствия. Оно вдохнуло в нее жизнь и заставило вспомнить, что на свете есть еще что-то.

Как она могла забыть эту дрожь?

Макс знал, что она удивит его. Знал с первого взгляда. Но такого он не ожидал. В ее поцелуе не было и намека на кокетство. Это был настоящий взрыв, ударная волна которого заставила его ощутить влечение небывалой силы.

На мгновение Лейн прижалась к нему всем телом – так, словно они были единственными пережившими кораблекрушение, потом издала какой-то гортанный горловой звук и тут же отстранилась одним гибким и грациозным движением.

Гэннон был слишком ошеломлен, чтобы удержать ее. Она облизнула влажные губы и улыбнулась.

– Спокойной ночи, Макс.

– Постойте! Постойте... – Он уперся ладонью в дверь машины, не дав Лейн открыть ее, словно сомневался, что сумеет удержать равновесие.

Лейн все еще улыбалась. Ее губы были нежными, глаза мечтательными. Теперь вся власть принадлежала ей, и они оба знали это. Черт побери, как это случилось?

– Вы хотите отослать меня наверх? – Он кивнул в сторону гостиницы. – Одного? Это жестоко.

– Знаю. – Она наклонила голову, изучая лицо Гэннона. – Не хочу, но обязана. Это должно немного охладить нас.

– Давайте продолжим ужин. Или, если угодно, позавтракаем. Черт побери, выпьем бренди...

Она засмеялась:

– Вы ведь не хотите бренди.

– Нет. Это слегка замаскированный эвфемизм страстного и безумного секса. Пойдемте, Лейн. – Макс провел рукой по ее волосам. – Туда, где тепло.

– Я действительно не могу, и это чертовски обидно. – Она все-таки открыла дверь и села за руль. – Меня ждет Генри.

Его голова дернулась как от пощечины.

– Что?

Подавив смех, она хлопнула дверью, затем выждала мгновение и спустила стекло.

– Генри – это моя собака. Спасибо за ужин, Макс. Спокойной ночи.

Лейн уехала, продолжая улыбаться. Когда она в последний раз ощущала такой эмоциональный подъем? Оставалось надеяться, что они еще встретятся. Ну а потом... потом будет видно.

Она включила радио на полную громкость и начала подпевать Шерил Кроу. Машина так и летела вперед – душевный подъем требовал выхода. Как приятно было снова ощущать

собственную сексуальность. Когда Лейн в темноте свернула на подъездную аллею и припарковалась у дома, по ее коже бежали мурашки. В ветвях деревьев, совсем недавно покрывшихся почками, шелестел легкий ветерок, а полумесяц добавлял свой свет к свету старинного фонаря с янтарным стеклом, который она оставила зажженным на крыльце.

Какое-то время Лейн сидела в машине, слушая музыку, любуясь лунным светом и вспоминая этот умопомрачительный поцелуй. О да, она собиралась еще раз отведать вкус губ Макса Гэннона, уроженца Джорджии с глазами тигра!

Продолжая напевать, Лейн пошла по тропинке. Она отперла дверь, бросила ключи в вазу, сунула заряжаться сотовый телефон и буквально впорхнула в гостиную.

Легкое головокружение тут же сменилось шоком. Диван был перевернут, его обивка изрезана на куски. Распахнутый шкафчик из вишневого дерева, в котором хранился музыкальный центр, был пуст. Три узумбарские фиалки, которые она вырастила из листочков, были вырваны из горшков, а земля рассыпана по полу. Столы были перевернуты, ящики выпотрошены, репродукции в рамках сорваны со стен.

На мгновение она окаменела, не веря своим глазам. Невозможно! Это был не ее дом, не ее вещи, не ее мир... А потом страшная мысль заставила ее сдвинуться с места.

– Генри!

Она бросилась на кухню, не обращая внимания на посуду и утварь, разбросанные по полу кухни.

Когда послышался ответный лай, Лейн чуть не заплакала от облегчения. Едва она открыла дверь в тамбур, дрожащий, испуганный пес прыгнул на нее. Лейн поскользнулась на рассыпанном сахарном песке, опустилась на корточки и обняла Генри.

«Все в порядке, – твердила она себе, не обращая внимания на безудержно колотившееся сердце. – Все в порядке. Это самое главное. Мы оба живы».

– Они тебя не тронули. Они тебя не тронули, – приговаривала она, изо всех сил прижимая к себе Генри. По щекам ее текли слезы. – Слава богу, они тебя не тронули...

Пес заскулил и начал лизать ее щеки. Казалось, они пытались успокоить друг друга.

– Нам нужно позвонить в полицию, – наконец сказала Лейн и решительно направилась в гостиную. – Позвоним в полицию, а потом попробуем оценить ущерб.

Ущерб был велик. За несколько часов ее отсутствия кто-то забрался в дом и учинил настоящий погром. Безделушки были разбиты, все ценное украдено, ее личные вещи сначала осматривали, а потом забирали или ломали. Это надрывало ей душу. Даже не верилось, что последние четыре года она прожила в мире и спокойствии.

А потом Лейн вышла из себя.

До прибытия Винса она дала волю гневу, и это оказалось более сильное и куда более продуктивное чувство, чем первоначальные шок и страх.

– Ты в порядке? – первым делом спросил Винс, взяв ее за руки.

– Во всяком случае, цела и невредима. Они ушли до моего возвращения. Генри был в тамбуре. Он не мог оттуда выйти, поэтому они оставили его в покое. Винс, когда я уходила, здесь оставалась Дженни. Если она еще была здесь, когда...

– Ее не было. С ней все нормально. А теперь, если не возражаешь, займемся делом.

– Ты прав. О'кей, ты прав. – Лейн сделала глубокий вдох. – Я вернулась домой в половине одиннадцатого. Отперла входную дверь, вошла в гостиную и увидела... все это.

– Дверь была заперта?

– Да.

– Они разбили стекло. – Винс кивнул на окно рядом со входной дверью. – Похоже, через него они и вошли. Вижу, что они украли твой музыкальный центр и колонки.

– Еще телевизор из гостиной наверху. И маленький портативный телевизор, который стоял на кухне. Украшения... Я не слишком присматривалась, но похоже, что они унесли

только сравнительно небольшие вещи. У меня есть пара бронзовых статуй, очень дорогих, но они их оставили. В украшениях они, судя по всему, не очень разбираются: брали все подряд. – Она пожала плечами.

– Наличные?

– Пара сотен, которые лежали в ящике письменного стола. Ах да, и компьютер, которым я пользовалась дома.

– Не считая устроенного погрома... Кто знал, что сегодня вечером тебя не будет дома?

– Дженни и человек, с которым я ужинала. Он остановился в «Путнике».

– Дженни сказала, что ты познакомилась с ним в магазине.

Лейн почувствовала, что краснеет.

– Винс, мы просто выпили и поужинали.

– Охотно верю. Нам придется проверить все. Сейчас здесь поработают полицейские.

Может быть, переночуешь у нас?

– Спасибо, нет. Я останусь здесь.

– Я так и думал. – Винс потрепал ее по плечу и, услышав гудок патрульной машины, пошел к двери. – Мы сделаем все, что нужно. А ты тем временем можешь начать составлять список похищенного.

Лейн сидела в гостиной наверху и составляла письменные ответы на вопросы, заданные Винсом и его подчиненными. Генри уютно свернулся у ее ног. Хотелось кофе, но все его запасы валялись на полу кухни, поэтому пришлось заварить чай.

Она знала, что гнев и страх, смешанные с изумлением, являются классической реакцией человека, столкнувшегося с насилием. Нельзя сказать, что в Эйнджелс-Гэп не было краж со взломом. Но они никогда не совершались с такой злобой. Во всяком случае, никто не устраивал такой жуткий погром.

Можно подумать, ей хотели за что-то отомстить...

Шел второй час ночи, когда дом снова опустел. Винс предложил оставить для охраны полицейского, но Лейн отказалась. Хотя с благодарностью приняла предложение заколотить разбитое окно.

Вместе с Генри она обошла дом и дважды проверила замки. Гнев вернулся, заставив забыть об усталости, которую она почувствовала, пока полицейские занимались своим делом. Она воспользовалась этим и прибралась на кухне – вымела сахар, муку, кофе, соль, рассыпанный чай и вымыла пол, устланный плиткой. Бросая в мусорное ведро осколки посуды, Лейн старалась не жалеть о цветастом сервизе, который собирала по частям.

Когда она с трудом поднималась по лестнице в спальню, ей казалось, что из нее выпили все соки. Но при виде вспоротого, сброшенного на пол матраса, вывернутых ящиков ее любимого бюро красного дерева, зияющих дыр в старинной аптечке, которую она использовала как шкатулку для драгоценностей, гнев вернулся снова.

Черта с два она позволит каким-то подонкам выжить ее из собственной спальни и собственного дома! Скрипнув зубами, Лейн положила матрас на прежнее место, достала чистые простыни и застелила постель. Потом повесила на вешалки верхнюю одежду, выкинутую из шкафа, аккуратно свернула и разложила по ящикам остальное.

В четвертом часу утра Лейн легла в постель и, плюнув на собственные правила, похлопала рукой по матрасу, приглашая Генри лечь рядом. Свет она решила не гасить.

Пусть это и покажется кому-нибудь проявлением глупости и трусости – наплевать. Ну и пусть. Она это как-нибудь переживет.

«У меня есть страховка, – напомнила она себе. – Все сломанное рано или поздно можно будет заменить. Ведь это всего лишь вещи – мне ли не знать, я же зарабатываю себе на жизнь тем, что покупаю их и продаю».

Лейн натянула на себя одеяло и посмотрела в грустные глаза пса.

– Просто вещи, Генри. Вещи – это не главное.

Однако стоило ей закрыть глаза, как перед ней возникло лицо Вилли.

«Теперь он знает, где ты».

Она порывисто села, откинув одеяло. Что это значит? Кто – он?

После двадцати лет отсутствия Вилли свалился ей как снег на голову и умер у порога ее магазина. Потом в ее дом забрались и устроили погром.

Сомневаться не приходилось: эти явления взаимосвязаны. Но кем был этот загадочный человек, о котором говорил Вилли? И что он искал?

4

Когда в дверь постучали, Макс только что вылез из душа. Кофе, господи, наконец-то! Полуодетый, с мокрыми волосами он открыл дверь...

О разочаровании можно было не говорить. Макс привык к разочарованиям. Разве он не спал один? Но второе разочарование оказалось хуже первого. За дверью его номера стоял коп. Вместо долгожданного и столь необходимого клеткам мозга напитка...

Гэннон смерил верзилу взглядом и постарался изобразить недоуменную, но приятную улыбку.

– Доброе утро. Ваша форма не похожа на форму служащего гостиницы. Похоже, вы пришли не для того, чтобы доставить мне кофе и яичницу.

– Мистер Гэннон, я шеф местной полиции Бергер. Прошу уделить мне минуту вашего времени.

– Конечно.

Макс шагнул назад и обвел комнату взглядом. Постель была разобрана, сквозь открытую дверь ванной в комнату сочился пар. В остальном же гостиничный номер мало чем отличался от офиса делового человека – на письменном столе ноутбук, дискеты, папки, ежедневник, сотовый телефон, так что все было нормально. Как всегда, он принял необходимые меры предосторожности, закрыл все файлы и убрал документы, которые могли бы вызвать вопросы.

– Прошу садиться, – Макс небрежно показал на кресло и пошел к шкафу за рубашкой. – Возникли какие-то проблемы?

Винс не сел и не улыбнулся.

– Вы знакомы с Лейн Тавиш?

– Да. – В мозгу прозвучал сигнал тревоги, но Макс не подал виду и надел рубашку. – Антикварный магазин «Вспомни, когда». Вчера я покупал там подарок для матери. – Притворившись слегка взволнованным, он спросил: – Что-нибудь не так с моей кредитной карточкой?

– Нет, дело не в этом. Вчера вечером кто-то проник в дом мисс Тавиш.

– Что с ней? Она ранена? – На сей раз притворяться Макс не пришлось. В его мозгу забил набат. – Где она?

– Это случилось в ее отсутствие. Согласно показаниям мисс Тавиш, в это время она была с вами.

– Мы ужинали... Черт побери! – Макс совсем забыл о кофе и нахмурился, услышав стук в дверь. – Подождите минутку. – Он открыл дверь хорошенькой маленькой блондинке, которая стояла в коридоре с тележкой.

– Доброе утро, мистер Гэннон. Ваш завтрак.

– Да, спасибо. Поставьте... куда-нибудь.

Блондинка провезла тележку в номер и тут увидела Винса.

– О, привет, шеф!

– Здравствуй, Шерри. Как поживаешь?

– Гм-м... Сами знаете. – Она стала снимать блюда с тележки, искоса разглядывая обоих мужчин. – Шеф, если хотите кофе, я спущусь и принесу еще чашечку.

– Не беспокойся, Шерри. Я уже выпил две перед уходом из дома.

– Если передумаете, позвоните. – Она сняла салфетку с тарелки, на которой лежал омлет с ветчиной, потом протянула Максу кожаную папку и дождалась, когда он подпишет счет. – Приятного аппетита, мистер Гэннон.

– Ешьте, пока не остыло, – предложил Винс. – Омлеты здесь вкусные.

– Благодарю. Так что это было? Кража со взломом?

– Похоже на то... Почему мисс Тавиш вчера вечером была с вами?

Макс пожал плечами и налил себе кофе.

– Обыкновенный выход в свет. Я попросил ее выпить со мной. Надеялся, что смогу уговорить ее поужинать. Поскольку она согласилась сделать это, мы прошли из бара в ресторан.

– Вы всегда назначаете свидания женщинам, у которых покупаете подарки для матери?

– Если бы всегда получалось так удачно, подарков у моей мамы были бы горы. – Макс поднял чашку, сделал глоток и посмотрел на Винса поверх ободка. – Лейн – очень интересная и очень привлекательная женщина. Мне захотелось познакомиться с ней поближе, и я пригласил ее в бар. Мне очень жаль, что она попала в беду.

Винс нахмурился:

– Пока она развлекалась с вами в городе, кто-то проник в ее дом.

– Я понял. – Тут Макс решил, что можно поесть, и подцепил вилкой кусочек омлета. – Значит, вы думаете, что я бегая по городу, выискиваю хороших женщин в магазинах, приглашаю их ужинать, очаровываю и одновременно граблю их дома? Шеф, это явная натяжка. Во-первых, до вчерашнего дня я Лейн и в глаза не видел. Во-вторых, я никогда не бывал в ее доме и не знал, есть ли там что-нибудь ценное. Куда логичнее было бы ограбить магазин, не находите? Там много хороших товаров.

Винс промолчал, и Макс пожал плечами.

– Если вы все-таки хотите кофе, то здесь есть пара чистых стаканов.

– Благодарю, я пас. Какие дела привели вас в Энджелс-Гэп, мистер Гэннон?

– Я заключил договор со страховой компанией «Рилайенс Иншуранс» и приехал, чтобы сделать для нее кое-какую работу.

– Какую именно?

– Шеф Бергер, вы можете связаться с исполнительным директором компании Аароном Слейкером и удостовериться, что я действительно работаю на «Рилайенс». Их штаб-квартира находится в Нью-Йорке. Я не имею права обсуждать подробности договора без разрешения клиента.

– Вы не похожи на страхового агента.

Макс снова пожал плечами.

– Есть разные виды страхового бизнеса. – Он открыл клубничный джем и намазал его на треугольный тост.

– У вас есть удостоверение личности?

– Конечно. – Макс встал, подошел к шкафу, вынул из бумажника водительские права, протянул их Винсу и снова сел на место.

– У вас выговор не такой, как у жителя Нью-Йорка.

– Акцент Джорджии из человека и колом не выбьешь. – Макс так разозлился, что стал нарочно говорить еще протяжнее. – Шеф, я не вор. Просто хотел пообедать с красивой женщиной. Валяйте, звоните Слейкеру.

Винс положил права рядом с тарелкой Макса.

– Непременно позвоню. – Он подошел к двери, но на пороге обернулся. – Мистер Гэннон, сколько времени вы собираетесь пробыть у нас в городе?

– Пока не закончу работу. – Он снова взялся за вилку. – Шеф, вы были правы. Омлет у них действительно отменный.

После ухода Винса Макс отставил тарелку в сторону – аппетит у него пропал. Коп всегда останется копом. Этот Бергер наверняка очень скоро проверит, выяснит, что он уже четыре года работает частным сыщиком, и даже узнает номер его свидетельства. А маленький городок остается маленьким городком. Не успеешь и глазом моргнуть, как об этом станет известно Лейн.

Ладно, когда придется платить по счету, он заплатит. А пока что следует заняться кражей со взломом. Время было выбрано чересчур удачно. Выходит, не он один решил, что «очень привлекательной» мисс Тавиш есть что скрывать.

Интересно, кто первым обнаружит, что именно?...

* * *

– Ни о чем не беспокойся, мы с Энджи прекрасно управимся, – заверила подругу Дженни. – А может, стоит на денек закрыть магазин? Винс сказал, что твой дом засыпан обломками. Я могла бы прийти и помочь тебе убраться.

Лейн переложила телефон в другую руку, обвела глазами свой кабинет и представила себе, как беременная Дженни таскает столы и стулья.

– Нет, спасибо. Мне будет легче, если вы с Энджи займетесь магазином. Сегодня утром должна поступить большая партия товара, купленная на аукционе в Балтиморе.

Черт побери, ей ужасно хотелось быть там и самой распаковывать все эти красивые вещи. Восхищаться ими, включать в опись, выставлять. Лейн обожала придумывать, как показать полученный товар в самом выгодном свете. Впрочем, наблюдать за тем, как его покупают и снова уносят из магазина, она тоже любила.

– Джен, мне нужно, чтобы ты занялась новыми поступлениями. Я уже определила для них цены, они в файле. Там есть кувшин в форме лотоса работы Клариссы Клифф. Позвони миссис Гант и сообщи, что его прислали. Мы сошлись на семи сотнях, но она наверняка захочет поторговаться. Окончательная цена – шестьсот семьдесят пять долларов. О'кей?

– Ясно.

– Да, и еще...

– Лейн, успокойся. Я не первый день работаю. Позабочусь обо всем, а если возникнет что-нибудь непредвиденное, обязательно позвоню тебе.

– Знаю. – Лейн наклонилась и рассеянно погладила пса, который жался к ее ногам. – У меня голова не тем занята.

– Ничего удивительного. У меня просто сердце сжимается, когда я думаю, как ты там одна. Может быть, все-таки прийти? Я могла бы заскочить во время ленча. Часок Энджи и сама продержится. Принесу тебе что-нибудь поесть...

Лейн не сомневалась, что часок Энджи продержится. Но она знала себя и считала, что сделает больше, если ее не станут отвлекать разговорами.

– Все нормально. А когда я возьмусь за дело, то окончательно приду в себя. Может быть, заеду днем.

– Лучше бы подремала немного.

– Гм-м... Неплохая мысль... Ладно, я не прощаюсь. – Лейн дала отбой и сунула мобильник в задний карман мешковатых джинсов. Она прекрасно знала, что найдет полдюжины предлогов для нового звонка в магазин. Так что пусть телефон будет под рукой.

А пока что следовало заняться неотложными делами.

«Спрячь песика», – вдруг вспомнила она слова Вилли. Поскольку никакого другого песика, кроме Генри, она не знала, следовало предположить, что Вилли бредил. Он наверняка приехал, чтобы о чем-то попросить или что-то отдать ей, но из этого ничего не вышло. Вилли думал, что кто-то его преследует, и, судя по всему, был прав. Но кто это мог быть? Коп? Частный сыщик? Или соучастник преступления, которому не понравилось, как прошел дележ? Было возможно и то, и другое, и третье. Однако учиненный в доме погром говорил в пользу последней версии.

Но хуже всего то, что человек, который преследовал Вилли, теперь преследовал ее.

Можно было, конечно, обратиться к Винсу. Только что она ему скажет? Сказать нечего. Все ее нынешнее благополучие зиждилось на том, что она – Лейн Тавиш, самая обычная женщина с самой обычной жизнью и самыми обычными родителями, владельцами ресторана в Нью-Мексико.

Но Илейн О’Хара, дочь Большого Джека, знаменитого мошенника со списком преступлений длиной в руку, не вписывалась в мирный ландшафт Эйнджелс-Гэп. Никто бы не пришел в магазин Илейн О’Хары, чтобы купить старинный чайник или наборный столик.

Дочери Джека О’Хары нельзя было доверять.

Черт побери, она и сама не доверяла дочери Джека О’Хары! Дочь Большого Джека была из тех женщин, которые пьют в баре с незнакомыми мужчинами и кончают тем, что ошеломляют вышеупомянутых мужчин жарким и страстным поцелуем. Дочь Джека всегда совершала отчаянные поступки, чреватые самыми серьезными последствиями. В отличие от нее Лейн Тавиш вела скромную жизнь, тщательно обдумывала свои действия и не гнала волну.

Она позволила дремавшей внутри Лейн О’Хара поднять голову всего на один короткий вечер, и что из этого вышло? Конечно, увертюра была возбуждающая и сексуальная, но закончилась опера чертовски неудачно.

– Пора образумиться, – пробормотала она Генри, и тот выразил свое согласие, постучав хвостом по полу.

Требовалось восстановить прежний порядок вещей. Она не собиралась отступаться от сделанного и от планов на будущее из-за того, что какой-то второразрядный вор решил, будто у нее находится часть его добычи.

«Конечно, второразрядный, – думала Лейн, собирая перья, высыпавшиеся из распоротых шелковых подушек, которые она сама выбрала для парадной кровати в стиле Георга II. – Дядя Вилли никогда не принадлежал к сливкам общества. Как и Большой Джек, что бы он там о себе ни воображал».

Они разгромили ее дом и унесли все, что попало под руку. Скорее всего, эти люди имеют преступное прошлое – дядя Вилли якшался со множеством темных личностей. Возможно, они оставили отпечатки пальцев. Винс обнаружит их, узнает, кому эти отпечатки принадлежат, и, скорее всего, сумеет арестовать этих мерзавцев. К сожалению, воры могут оказаться круглыми дураками и рассказать, почему они вломились в дом. Если дойдет до этого, придется заявить, что они приняли ее за кого-то другого.

Притвориться шокированной, возмущенной, сбитой с толку... За долгие годы Лейн научилась играть самые разные роли. В жилах ее текла кровь Большого Джека, так что притворство давалось ей без особого труда.

Именно притворством сейчас и занималась Лейн Тавиш из Эйнджелс-Гэп. Иными словами, продолжала делать то, что делала всю свою жизнь...

Лейн отогнала от себя неприятную мысль и начала собирать и сортировать разбросанные по полу документы. Она углубилась в эту работу до такой степени, что чуть не подпрыгнула, когда раздался стук в переднюю дверь.

Генри мигом очнулся от утренней дремоты и разразился хриплым грозным лаем, хотя при этом спрятался за ее спину.

– Мой храбрец! – Лейн потрепала его по голове. – Наверно, это стекольщик. Ты ведь не станешь есть стекольщика?

Доказывая свою любовь и преданность, Генри пошел за ней. Он продолжал рычать, но предусмотрительно держался на шаг позади.

После взлома Лейн стала осторожной и не сразу открыла дверь, а сначала посмотрела в переднее окно. При виде Макса она почувствовала, как кровь быстрее побежала по жилам.

Надо же, а она, как назло, в своих старых джинсах, потертом свитере и с босыми ногами. Утром Лейн собрала волосы в конский хвост и даже не удосужилась накраситься.

– Не в таком виде мне хотелось бы предстать перед мужчиной, которого я собираюсь раздеть при первой же возможности, – сказала она Генри. – Но делать нечего.

Лейн открыла дверь, изо всех сил стараясь держаться непринужденно.

– Макс? Вот это сюрприз! Как вы меня нашли?

– Навел справки. Вы в порядке? Я слышал о... – Он осекся и опустил глаза. – А это и есть Генри? В жизни не видел такой образины! – При этом Гэннон опустил на корточки и широко улыбнулся псу, так что обидеться на него было трудно.

– Эй, дылда, как поживаешь?

Лейн привыкла к тому, что большинство людей (во всяком случае, на первых порах) пугается Генри. Он действительно был большим, уродливым, а его рычание могло показаться грозным. Но Макс смело протянул руку и дал Генри ее понюхать.

– Похоже, тебя здорово напугали.

Генри нерешительно вытянул морду и несколько раз фыркнул. А потом улегся на пол, перевернулся на спину и подставил Максу брюхо.

– Гордостью мы не отличаемся, – констатировала Лейн.

– А нам это и не нужно. – Макс тут же завоевал вечную любовь Генри, энергично почесав ему живот. – Мы всего лишь собака, верно?

Видя, как Макс обращается с ее собакой, Лейн чувствовала, что у нее тает сердце. Ого... Это было что-то новенькое. Вкупе с вождением это составляло очень опасный коктейль, от которого могла бы потерять голову самая благоразумная женщина.

– У нас в доме всегда были собаки. А держать пса в Нью-Йорке я не могу, потому что все время езжу по стране. Это было бы нечестно. – Он почесал Генри под подбородком, что повергло пса в экстаз.

Лейн чуть не застонала.

– Это обратная сторона городской жизни, – добавил Макс. – Как они его обошли?

– Простите, что?

Он еще раз потрепал Генри и выпрямился.

– Я слышал о взломе. Такой большой пес должен был задать жару непрошеным гостям.

«Остынь, детка», – велела себе Лейн.

– К сожалению, нет. Во-первых, Генри был заперт в тамбуре. В мое отсутствие он всегда сидит там. А во-вторых... ну... – Она посмотрела на Генри, который преданно лизал руку Макса, и вздохнула: – Героем его не назовешь.

– Похоже на то. Ну а сами-то вы в порядке?

– Насколько это возможно для человека, который вернулся и увидел, что его дом разгромили и ограбили.

– Вы живете довольно уединенно, – заметил Макс. – Едва ли кто-нибудь что-то видел.

– Боюсь, что да. Шеф местной полиции, конечно, опросит соседей, но мой дом – единственный в этом переулке.

– Я уже встречался с вашим шефом. И вторая причина, которая привела меня сюда, – это желание заверить, что я пригласил вас пообедать совсем не для того, чтобы выманить из дома и дать случиться тому, что произошло.

– Конечно, нет! Почему?... – Она помолчала. – Должно быть, сегодня утром Винс приходил к вам в гостиницу. Мне очень жаль.

– Ничего страшного, это самая обычная вещь. Но вторжение в дом и кражу обычной вещью не назовешь. – Макс коснулся ее щеки. – Я волновался за вас.

У Лейн снова забилося сердце. «Нет, Макс Гэннон и Вилли Янг не могли ходить в одной упряжке», – сказала она себе. Будь Макс человеком того же сорта, она бы все поняла с первого взгляда.

Точнее, почуяла бы нюхом. Во всяком случае, ей хотелось верить в это.

– Я в порядке. Дженни и Энджи поработают сегодня одни, а я тем временем приведу в порядок дом. – Она махнула рукой в сторону гостиной. – Там не осталось ничего целого. Слава богу, что я люблю делать покупки, потому что работы предстоит много.

Макс обошел ее и заглянул в комнату.

Человеку непосвященному показалось бы, что к краже со взломом добавился вандализм. Однако Макс прекрасно понял, что это значило: быстрый и грубый обыск. Но если бы они обнаружили и изъяли то, за чем пришли, едва ли Лейн стала бы спокойно прибираться и говорить о покупке новых вещей. Такое хладнокровие человеку не по плечу.

Тут он представил себе, как Лейн одна возвращается в темноте и видит, во что превратился ее дом. Ничего удивительного, что под ее глазами залегли тени, а лицо побледнело, как у человека, который провел бессонную ночь.

– Да, хлопот они причинили вам изрядно... – пробормотал Гэннон.

– Обычно в Гэпе такого не случается. А вот когда я жила в Филадельфии, то работала с женщиной, которую не только ограбили, но и расписали все стены квартиры ругательствами.

Макс посмотрел на нее.

– Значит, могло быть хуже?

– Всегда может быть хуже. Послушайте, я уже привела в порядок кухню и успела пробежаться по магазинам. Хотите кофе?

– Я всегда хочу кофе.

Макс шагнул к ней. Лейн сейчас выглядела как девочка. Бледное лицо обрамляли ярко-рыжие волосы, тени только подчеркивали голубизну глаз. От нее пахло мылом, только мылом. А на носу проступили симпатичные и трогательные веснушки.

– Лейн, мне очень хочется вам помочь, – вырвалось у него.

– Каким образом?

Он и сам этого не знал, однако предлагал от души. Просто смотрел на нее – и хотел помочь.

– Ну... для начала привести дом в порядок.

– Спасибо, не нужно. У вас, вероятно, много своей работы...

– Во-первых, у меня есть время. Во-вторых, если я займусь своими делами, то буду волноваться за вас и все равно не сделаю ничего путного.

– Очень любезно с вашей стороны. – Лейн поняла, что проиграла. – В самом деле очень любезно.

– Есть и еще одно соображение.

Макс сделал еще один шаг в сторону Лейн, заставив ее прижаться спиной к стене. Поцелуй оказался нежным и едва ощутимым, словно во сне. Однако у Лейн подкосились колени. Она была готова растаять, но тут Гэннон поднял голову.

– Если бы я не поцеловал вас, то не мог бы думать ни о чем другом. Надеюсь, теперь дела пойдут лучше.

– Вот и хорошо. – Она облизала нижнюю губу. – Ну сначала давайте выпьем кофе.

Лейн решила, что надо чем-то отвлечься, а то еще немного – и они начнут кататься по полу разгромленной комнаты, вместо того чтобы приводить ее в порядок. Она пошла на кухню, смолотла зерна и, отмерив нужное количество порошка, засыпала его во французскую кофеварку. Макс, непринужденно прислонившись к стойке, наблюдал за ней. Искося взглянув на него, Лейн поняла, что эта непринужденность обманчива – взгляд его оставался

напряженным. Ей вдруг захотелось потереться о него, как кошке, умоляющей, чтобы ее погладили, и она страшно разозлилась на себя.

– Я должна вам кое-что сказать.

– О'кей.

Она вынула две кружки, пережившие погром на кухне.

– Я никогда не... Не знаю, как выразиться, чтобы это не прозвучало невероятно глупо и банально.

– Я думаю, вы за всю свою жизнь не сказали ничего глупого и банального.

– О боже, вы знаете, на какие кнопки следует нажимать. Ладно... – Пока варился кофе, она повернулась к Максусу: – Не в моих привычках соглашаться на свидание – даже самое невинное – с мужчиной, которого я вижу впервые в жизни. Тем более с покупателем. Честно говоря, вы первый.

– Мне всегда нравилось быть первым.

– Кому же это не нравится? А когда я нахожусь в компании мужчин, то после ужина обычно не вешаюсь им на шею.

Макс почему-то вдруг подумал, что запомнит эту минуту надолго. И, возможно, вспомнит ее на смертном одре, как важнейшее событие своей жизни.

– Значит, тут я тоже первый?

– До какой-то степени.

– Чем дальше, тем лучше.

– Сливки? Сахар?

– Спасибо. Просто черный.

– О'кей. Раз так, продолжим. Кроме того, я не сплю с мужчинами, которых знаю всего двадцать четыре часа. Это незыблемое правило номер один.

Гэннон почесывал Генри между ушей, но не сводил глаз с ее лица.

– Знаете поговорку насчет правил?

– Да. И хотя считаю ее верной, но сделать исключение мне нелегко. Макс, я твердо верю, что правила необходимы. И поэтому сильно нервничаю, когда приходится их нарушать. Было бы разумнее и безопаснее сделать небольшой шаг назад. По крайней мере, до тех пор, пока мы не узнаем друг друга лучше.

– Да, это было бы разумнее, – согласился он. – И безопаснее.

– Вы и представления не имеете, чего мне стоило жить согласно этим требованиям. – Она негромко рассмеялась и наполнила чашки. – Проблема в том, что меня никогда ни к кому не тянуло так, как тянет к вам.

– Может быть, я не такой педант по части правил и соблюдаю их не на каждом шагу... – Макс взял протянутую чашку и поставил ее на стойку. – Но знаю твердо: ни одну женщину я не желал так, как желаю вас.

– Вряд ли это поможет мне сохранить голову на плечах. – Лейн взяла чашку и на всякий случай отошла от него подальше. – Но я действительно люблю порядок. Дайте мне как следует прибраться в доме, а там посмотрим, что из этого выйдет.

– С таким требованием трудно спорить. Полагаю, если мы приберемся вместе, это поможет нам лучше узнать друг друга.

«Есть одно «но», – подумала Лейн. – Он отвлечет меня от дела куда успешнее, чем Дженни. Ну и пусть!»

– Раз уж мне повезло и рядом оказался сильный мужчина, начнем с гостинной. Диван довольно тяжелый.

Тем временем во «Вспомни, когда» стоял дым коромыслом. От посетителей не было отбою. Весть о новых неприятностях Лейн быстро облетела городок, и желавшие узнать

подробности слетелись как мухи на мед. К часу дня, когда все новые поступления учтены, снабжены ценниками и выставлены на продажу, все чеки были пробиты и каждый получил свою порцию сплетен, Дженни потеряла ноющую поясницу.

– Пожалуй, я пообедаю дома. Там, по крайней мере, можно на часок задрать ноги вверх. Ты справишься одна?

– Конечно. – Энджи достала белковую плитку и бутылку низкокалорийного «Фраппучино». – Устрою ленч на рабочем месте.

– И ты называешь это ленчем? Не надрывай мне душу!

– Больше ничего не могу себе позволить. Сегодня с утра я весила целых пятьдесят пять килограммов.

– Ты что, нарочно издеваешься? – Дженни достала из-за стойки сумочку и сняла с крючка свитер. – Впрочем, мне наплевать. Сейчас приеду домой, съем пасту «Примавера» и закушу ее шоколадным пирожным.

– Так кто из нас издевается? – Энджи похлопала Дженни по животу, как всегда, надеясь почувствовать шевеление ребенка. – Интересно, кто там живет?

– Ночная сова. – Дженни сунула шпильку в растрепавшийся узел на макушке. – Клянусь, этот малыш просыпается около одиннадцати вечера, начинает плясать и не успокаивается часами.

– Я вижу, тебе это нравится.

– Еще бы! – Дженни улыбнулась и натянула свитер. – За всю жизнь не знала ничего лучше. Вернусь через час.

– Все будет в порядке... Эй, может, позвонить Лейн? Просто для проверки?

– Я ей позвоню из дома. – Дженни пошла к двери и на пороге столкнулась с входящей парой, которую уже как-то видела в магазине. Пришлось порыться в памяти, вспоминая, как их зовут. – Рада видеть вас. Дейл и Мелисса, верно?

– У вас хорошая память, – с улыбкой ответила ухоженная женщина лет тридцати с небольшим.

– Насколько я помню, вас интересовал гардероб из красного дерева.

– Опять верно. Я вижу, он еще здесь. – С этими словами женщина подошла к шкафу и погладила резную дверцу. – Стоит и мечтает обо мне.

– Очень красивая вещь. – Энджи вышла из-за стойки. – Одна из моих любимых. – На самом деле она предпочитала модерн и обтекаемые формы, но льстить покупателям умела. – Сегодня к нам поступила еще одна вещь из красного дерева. Роскошный маленький «давенпорт»² эпохи королевы Виктории. Они просто созданы друг для друга.

– Ого! – Мелисса засмеялась и сжала руку мужа. – Думаю, имеет смысл хотя бы взглянуть.

– Я вам покажу.

– Я собиралась уходить, – промолвила Дженни, – так что если моя помощь не нужна...

– Как-нибудь обойдемся. – Энджи помахала ей рукой. – Ну разве не чудо?! – воскликнула она, проведя пальцем по гладкой наклонной поверхности столика. – И в идеальном состоянии. У Лейн хороший глаз. Она нашла его в Балтиморе несколько недель назад. Прибыл только сегодня утром.

– Действительно, чудо. – Мелисса начала выдвигать и задвигать маленькие ящики. – Настоящее чудо. Почему-то я всегда считала, что «давенпорт» – это что-то вроде дивана.

– Да, но маленькие письменные столики называются так же. Не спрашивайте меня, почему: в этом разбирается только Лейн.

– Дело не в названии. Он мне ужасно нравится. Что скажешь, Дейл?

---

² Здесь: изящный письменный столик.

Тот потрогал ценник пальцем и посмотрел на жену.

– Мелисса, мне нужно подумать. Я, признаться, не рассчитывал на две покупки.

– Но ведь можно попробовать немного сбить цену.

– Думаю, мы договоримся, – сказала Энджи.

– Дайте мне еще раз посмотреть на гардероб. – Мелисса вернулась и начала открывать дверцы.

Дейл присоединился к жене, и они начали о чем-то шептаться, а Энджи, которая уже неплохо разбиралась в торговле, отошла в сторону.

Они закрыли дверцы, потом снова открыли и начали выдвигать ящики.

– А это что, бесплатное приложение? – вдруг спросил Дейл.

– Простите, не поняла...

– Здесь лежит какая-то коробочка. – Дейл вынул ее и потряс. – Это что, приз, который кладут в упаковку с печеньем?

– Боюсь, что нет. – Энджи подошла и взяла у него коробочку в оберточной бумаге. – Сегодня утром мы буквально сбились с ног. Привезли большую партию товара, – начала объяснять она. – Должно быть, Дженни отвлеклась и положила коробочку сюда.

Или нет? Как бы там ни было, Энджи решила, что им повезло. К счастью, шкаф открыли еще до того, как Лейн хватилась этой коробочки.

– Знаете, нам нужно немного посоветоваться, – сказала ей Мелисса.

– Можете не торопиться.

Энджи вернулась к стойке, сняла обертку, открыла коробку и увидела смешного фарфорового песика. «Хорошенький, – подумала она, – но непонятно, почему за фигурки животных платят такие большие деньги. Мягкие плюшевые игрушки куда симпатичнее».

Судя по обрывкам беседы, Мелисса решила выпотрошить мужа, не прибегая к посторонней помощи. Не желая мешать им, Энджи отошла подальше, поставила статуэтку на витрину с фарфоровыми фигурками и безделушками и начала сравнивать ее с другими, пытаясь установить стиль и время изготовления.

Это было для Энджи чем-то вроде игры. Она не сомневалась, что фигурка внесена в электронный каталог, но решила пока не заглядывать туда. Определять, к какой эпохе относится та или иная вещь, было почти так же интересно, как определять характер посетителя бара. Если как следует потренироваться, постепенно научишься узнавать, кто есть кто и что есть что.

– Мисс...

– Энджи. – Она обернулась с вежливой улыбкой.

– Если мы действительно возьмем и то и другое, сколько вы с нас запросите?

– Ну... – Энджи, предвкушавшая перспективу удивить Лейн двойной покупкой, оставила фарфоровую собачку на полке и пошла торговаться с покупателями.

Торопясь поскорее заключить сделку, оформить доставку и пробить чек, она и думать забыла про какого-то игрушечного песика.

5

За следующие несколько часов Макс кое-что узнал о Лейн. Она была деловитой, практичной и точной. Более целеустремленной, чем он ожидал от женщины с таким прошлым. Она ставила себе задачу, быстро составляла алгоритм решения, а затем неукоснительно следовала ему от начала до конца. Не признавая ни отступлений, ни промедлений.

Кроме того, она любила вить гнездо. У его матери была та же черта. Она тоже любила украшать свое гнездо всякими – как их называл его отец? – ах да, финтифлюшками. И так же, как его мать, Лейн прекрасно умела найти им подходящее место.

Но в отличие от его матери Лейн, кажется, не испытывала сентиментальной привязанности к своим вещам. Однажды Макс видел, как мать пролила море слез над разбитой вазой, и на своей шкуре испытал ее гнев, когда нечаянно разбил старинное декоративное блюдо. Лейн же отправляла осколки в мусорное ведро, не моргнув глазом. Главным для нее было восстановление порядка. После этого она сильно выросла в глазах Макса.

Оставалось загадкой, каким образом дочь отъявленного мошенника сумела стать добропорядочной обительницей маленького городка, но разгадывание загадок было его профессией, и это только подливало масла в огонь.

Гэннону нравилось находиться в ее гнездышке и быть рядом с ней. Конечно, их взаимное влечение несколько усложняло его задачу, но в то же время делало ее более приятной. Ему нравился ее голос, хрипловатый и в то же время нежный. Нравилось, что она умудрялась выглядеть сексуальной даже в поношенном свитере. Нравились ее веснушки.

Макс восхищался ее стойкостью в ситуации, когда большинство людей впало бы в прострацию. А еще он был благодарен за прямоту, с которой Лейн говорила о том, что ее влечет к нему, и с замиранием сердца следил за тем, как развиваются их отношения.

Вероятно, сложись обстоятельства по-другому, он понял бы, что, вступая в подобную связь, совершает прыжок в пропасть, сжигает за собой мосты и так далее и тому подобное. Но в данных обстоятельствах он просто принял позу для этого прыжка. Только не мог понять, плюс это или минус.

Однако пора было продолжать игру.

– Вы потеряли многие из своих сокровищ, – заметил он.

– Не беда, найду другие. – И все же Лейн вздохнула, когда увидела, что от кружки «дерби», стоявшей в буфете гостиной, откололся большой кусок. – Я занялась этим бизнесом, потому что любила коллекционировать все подряд. А потом поняла, что мне важно не столько владеть вещами, сколько быть с ними рядом, видеть их и прикасаться к ним. – Она провела пальцем по разбитой кружке. – Кроме того, мне приятно покупать, продавать и наблюдать за тем, как интересные вещи попадают к интересным людям.

– А разве неинтересные люди никогда не покупают интересные вещи?

Лейн рассмеялась:

– Покупают. Именно поэтому не следует прикипать душой к тому, что ты собираешься продать. А продавать я люблю. Без этого тоже нельзя.

– Откуда вы знаете, что следует приобретать?

– Частично интуиция, частично знания и опыт. А иногда это просто игра.

– Вы любите играть?

Лейн подняла глаза.

– Честно говоря, люблю.

«О да, – подумал Гэннон, – я стою на цыпочках на самом краю обрыва...»

– Так, может быть, бросим эту канитель и слетаем на денек в Лас-Вегас?

Она выгнула брови.

– А если бы я сказала: «Почему бы и нет»?

– Я бы заказал билеты на самолет.

– Знаете, – после недолгого размышления сказала Лейн, – я бы с удовольствием сделала это. Похоже, вы видите меня насквозь. – Часть души, доставшаяся ей в наследство от отца, уже рвалась в аэропорт. – Но, к несчастью, я не могу позволить себе принять такой подарок. – А эти слова были продиктованы генами матери. – Может быть, отложим до другого раза?

– Договорились. Вам стоит только сказать слово.

Макс следил за тем, как она ставит на место вещи, уцелевшие после погрома. Подсвечники, огромная керамическая ваза, длинное плоское блюдо... Ему казалось, что Лейн ставит их именно туда, где они стояли прежде. В этом было нечто успокаивающее. И вызывающее одновременно.

– Знаете, я смотрю на вашу квартиру и не могу отделаться от мысли, что это не простая кража со взломом, когда хватают первое, что попало под руку, а потом убегают. Они специально выбирали время, чтобы можно было действовать не торопясь. Похоже, тут что-то личное.

– Спасибо. Очень успокаивающая мысль.

– Прошу прощения, я не подумал... Впрочем, кажется, вы не слишком испуганы.

– Сегодня ночью я спала с зажженной лампой, – призналась Лейн. – Но бояться бессмысленно. Страх ничего не меняет и ничему не помогает.

– Вам не помешала бы охранная система. Что-нибудь более высокотехнологичное, чем собака, – добавил Макс, глядя на Генри, храпевшего под обеденным столом.

– Нет. Я думала об этом, но только в первые пять минут. Охранная система меня не успокоила бы. Наоборот, постоянно напоминала бы, что мне есть чего бояться. А я не хочу бояться в собственном доме.

– Еще один вопрос, и больше мы к этой теме не вернемся. Как вы думаете, это мог сделать кто-нибудь из ваших знакомых? У вас есть враги?

– Нет и нет! – Лейн беспечно пожала плечами и придвинула к столу стулья с кожаными спинками. Однако в мозгу ее прозвучали слова Вилли: «Теперь он знает, где ты».

Кто знает?

Отец?...

– Ну вот, кажется, теперь вы встревожились. – Макс взял ее за подбородок и заставил поднять лицо. – Это написано у вас на лбу.

– Нет, не встревожилась. Просто эта мысль поразила меня. Я самая обыкновенная женщина. Какие могут быть враги у магазинов в маленьких городках Мэриленда?

Макс провел пальцем по ее подбородку.

– Вы кто угодно, только не обыкновенная.

У Лейн приподнялся уголок рта. «Ты и представления не имеешь, что я потратила половину жизни на то, чтобы стать обыкновенной», – подумала она.

Когда Макс потянулся к ее губам, раздался звонок.

– Это что, сигнал тревоги? – нахмурился он.

Лейн засмеялась, слегка отодвинулась и вынула из кармана телефон.

– Алло... Привет, Энджи. – Прижав трубку к уху, она машинально передвинула стоявшие в буфете кружки. – Оба предмета? Замечательно. Как тебе это удалось?... Угу... Нет, ты абсолютно права. Он называется именно так, потому что подобный маленький письменный стол был сделан для капитана Давенпорта в начале девятнадцатого века и получил название в честь заказчика... Да, я в порядке. В самом деле. Но ты опять права, это меня разозлило. Спасибо, Энджи. Поговорим позже.

– А я думал, что «давенпорт» – это диван, – сказал Макс, когда Лейн снова сунула телефон в карман.

– Да. Точнее, раскладное кресло, которое превращается в кровать. Но так называют и маленький письменный стол прямоугольной формы, верхняя крышка которого откидывается или сдвигается, чтобы освободить место для коленей.

– Ого! Я вижу, вы знаете о вещах все.

– Могу научить и вас. – Довольная, Лейн провела пальцами по его груди. – Хотите, я объясню, в чем заключается разница между обыкновенным комодом и «кентербери»?

– Не могу дождаться!

В последующие полчаса, не отрываясь от уборки, она прочитала ему небольшую лекцию о старинной мебели.

Когда в магазин вошел солидный высокий джентльмен с тщательно подстриженными усами цвета олова, Дженни размышляла над тем, что приготовить на обед. Поскольку есть она хотела всегда, думать о еде было не менее приятно, чем поглощать ее.

После ошеломляющего успеха Энджи торговля пошла на убыль. Сначала в магазин зашло несколько зевак, потом примчалась миссис Гант и так же стремительно ушла, унеся с собой кувшин в форме лотоса. Следующий час они с Энджи проболтали, после чего напарница убежала – вдвоем здесь делать было нечего.

Услышав скрип двери, Дженни подняла взгляд. Слава богу, посетитель отвлек ее от навязчивых мыслей о свиных отбивных и картофельном пюре...

– Добрый день. Чем могу служить?

– Если не возражаете, я немного осмотрюсь. Очень интересный магазин. Он принадлежит вам?

– Нет. Владелицы сегодня нет. Конечно, осмотритесь. Если возникнут вопросы или понадобится помощь, обратитесь ко мне.

– Непременно.

На мужчине был светлый костюм почти того же цвета, что усы и пышные волосы. Безукоризненная прическа, покрой костюма и галстук в еле заметную полоску говорили об обеспеченности. Акцент выдавал в нем северянина.

Интуиция продавщицы подсказала Дженни, что фланировавший по залу посетитель не прочь поговорить, и она задала первый осторожный вопрос:

– Приехали в гости?

– У меня здесь деловые интересы. – Его улыбка продемонстрировала ямочки на щеках и подчеркнула голубизну глаз, добавив представителю джентльмену сексуальности. – Очень дружелюбный городок.

– Вы правы.

– И очень перспективный. Я имею в виду для бизнеса. Видите ли, у меня самого магазин. Семейные украшения – покупка и продажа. – Он наклонился над витриной с ювелирными изделиями и постучал пальцем по стеклу. – У вас здесь очень красивые вещи. Не ожидал увидеть такое вдали от столиц.

– Благодарю вас. Лейн очень заботится об ассортименте.

– Лейн?

– Лейн Тавиш, владелица магазина.

– Кажется, я слышал это имя. Возможно, мы встречались на каком-нибудь аукционе.

В конце концов, наш круг довольно узок.

– Очень возможно. Если задержитесь в городе, то зайдите еще. Обычно она всегда здесь.

– Непременно... Скажите, а камнями вы торгуете?

– Камнями?

Увидев недоуменный взгляд Дженни, он наклонил голову.

– Я, например, часто покупаю самоцветы – для замены выпавших из старинных украшений или копирования какой-нибудь вещи для клиента.

– Ах, вот оно что... Нет, драгоценными камнями мы не торгуем. На самом деле ювелирные изделия – лишь небольшая часть того, что есть в нашем магазине.

– Вижу. – Он повернулся и пристально осмотрел зал. – Широкий набор предметов, стилей и эпох. Все это покупает сама мисс Тавиш?

– Да. Нам повезло, что в городе появилась такая женщина, как Лейн. Магазин пользуется хорошей репутацией. Нас даже включили в несколько путеводителей и в списки, которые регулярно публикуют журналы для коллекционеров и любителей антиквариата.

Джентльмен продолжил экскурсию, направившись к столику, на котором стояли фарфоровые и бронзовые статуэтки.

– Значит, она не местная?

– Местным в Гэпе считают лишь того, чей дед родился здесь. А Лейн приехала сюда всего несколько лет назад.

– Тавиш, Тавиш... – Он снова нагнул голову, прищурился и разгладил усы. – Такая высокая, худенькая, коротко стриженная блондинка в маленьких темных очках?

– Нет, Лейн рыжая.

– Да? Ладно, неважно... Славная вещица. – Он взял в руки изящную фарфоровую кошечку. – Вы оформляете доставку?

– Да, конечно. Я была бы рада... Ох, привет, милый! – воскликнула Дженни, увидев вошедшего Винса. – Это мой муж, – улыбнулась она посетителю. – Я называю милым далеко не каждого копа.

– Я ехал мимо. Решил зайти и посмотреть, здесь ли Лейн. Просто для проверки.

– Сегодня ей не до магазина. И так хлопот хватает... Представляете, в дом Лейн вчера вечером забрались воры, – объяснила Дженни незнакомцу.

– Боже, какой ужас! – Мужчина поправил узел галстука, блеснув дорогим золотым кольцом с темно-синим камнем. – Кто-нибудь пострадал?

– Нет, к счастью, ее не было дома. Винс, это мистер... Простите, я так и не успела узнать, как вас зовут.

– Моя фамилия Александер. Майлс Александер. – Он протянул руку Винсу.

– Винс Бергер. Вы знакомы с Лейн?

– Именно это мы и пытаемся сейчас выяснить. Я торгую семейными драгоценностями и подумал, что мы с мисс Тавиш могли где-то пересекаться. Мне очень жаль, что у нее возникли неприятности... Я очень заинтересовался этой кошечкой, – сказал Александер Дженни, – но уже опаздываю на деловую встречу. Зайду еще раз. Надеюсь, что все-таки встречу с мисс Тавиш. Спасибо за то, что уделите мне время, миссис Бергер.

– Просто Дженни. Всегда будем рады вас видеть, – добавила она, когда мужчина пошел к двери.

Едва они остались одни, как Дженни ткнула Винса локтем в живот.

– Ты смотрел на него так, словно подозреваешь в чем-то.

– Да нет... Просто мне показалось странным, что такой шикарно одетый незнакомец наведлся в магазин Лейн как раз на следующий день после ограбления ее дома.

– О да, он выглядит как типичный взломщик.

– А как, по-твоему, выглядят типичные взломщики?

– Во всяком случае, не так.

На самом деле этого человека звали Алекс Крю, хотя он имел безукоризненно сработанные документы на имя Майлса Александера – как, впрочем, и на несколько других имен.

Теперь он быстро шагнул по тротуару, стараясь справиться с гневом. Черт побери, где носит эту Лейн Тавиш?

Крю терпеть не мог, когда что-то мешало осуществлению его планов.

Впрочем, эта пешая прогулка имела и деловой характер. Хотя подробная карта Эйнджелс-Гэп хранилась в мозгу Крю, ему требовалось лично ознакомиться с местностью. Он не любил маленькие городки, даже окруженные прелестными зелеными холмами. Ему были больше по душе мегаполисы с их бешеным ритмом жизни и неограниченными возможностями – в частности, возможностью слиться с толпой.

Отдыхать и расслабляться он предпочитал в тропиках с их ароматными ветрами, лунными ночами и богатыми туристами. А тут была сплошная деревенщина вроде беременной продавщицы или ее мужа – наверняка бывшего капитана футбольной команды местной средней школы, ставшего со временем городским полицейским. Похоже, этот малый проводил все субботние вечера с приятелями, выпивая банок по шесть пива и вспоминая славные минувшие дни.

Крю жалел мужчин и женщин, для которых всего дороже был семейный очаг.

Его отец был таким же – ни фантазии, ни воображения, ни тяги к приключениям. Его старик не делал ничего, что не было предусмотрено распорядком дня. И что это дало ему, кроме усталой, вечно недовольной жены, невзрачного домика в Кэмдене и ранней могилы?

По мнению Крю, его отец напрасно прожил на свете.

Лично он хотел большего и начал новую жизнь, когда в возрасте двенадцати лет впервые залез в окно второго этажа чужого дома. В четырнадцать лет он сел за руль своей первой машины, но честолюбие всегда заставляло его стремиться к новым достижениям.

Крю нравилось грабить богатых, но в нем не было ничего от Робин Гуда. Это нравилось ему просто потому, что у богатых было больше хороших вещей, а обладание хорошими вещами создавало впечатление, будто он тоже принадлежит к сливкам общества.

В двадцать два года он совершил свое первое убийство, и хотя оно было незапланированным (хозяева раньше времени вернулись домой), Крю ничего не имел против того, чтобы украсть у кого-то жизнь. Особенно если это сулило неплохую прибыль.

Сейчас ему было сорок восемь, он любил французские вина и итальянские костюмы. У Крю был дом в Вестчестере, из которого сбежала его жена, забрав с собой маленького сына (дело кончилось разводом, о чем он, впрочем, ничуть не жалел). Кроме того, у него имелись апартаменты неподалеку от Сентрал-парка (где он под настроение устраивал роскошные приемы), дача в Хэмптонс и вилла на Каймановых островах. Естественно, все это недвижимое имущество было оформлено на разные имена.

Он неплохо нажился на том, что принадлежало другим, и теперь считал себя крупным специалистом в своем деле. Крю крал лишь по собственному выбору и занимался этим уже лет десять с лишним. Его специальностью были произведения искусства, драгоценные камни и иногда – редкие гравюры.

Его несколько раз арестовывали, но осудили лишь однажды – Крю был убежден, что это случилось из-за ошибки бездарного и к тому же слишком дорогого адвоката. Через три месяца после своего освобождения он до смерти забил этого самовлюбленного болвана отрезком водопроводной трубы. Но, по мнению Крю, так и не рассчитался с подонком, по вине которого провел за решеткой двадцать шесть месяцев, лишился свободы и перенес унижение и позор.

Впрочем, это было двадцать с лишним лет назад. С тех пор его пару раз допрашивали, но больше не арестовывали. Месяцы, проведенные в тюрьме, пошли ему на пользу: он научился думать.

Просто красть было недостаточно. Нужно было красть хорошо, чтобы потом жить хорошо. Поэтому он учился, развивал свои таланты. Чтобы успешно грабить богатых, лучше

всего было стать одним из них. Получить доступ в высшее общество; может быть, жениться на аристократке. По мнению Крю, удачливым вором можно было называть не того, кто лазил в окна второго этажа, а того, кто посылал делать это других. Других, которыми можно было командовать, а потом при необходимости избавляться от них. Потому что украденное этими «шестерками» принадлежало ему и только ему.

Он был умен, терпелив и беспощаден.

Да, иногда он совершал ошибки, но эти ошибки можно было и следовало исправить. Он всегда исправлял свои ошибки. Идиот адвокат; глупая женщина, которая мешала Крю нагреть ее на несколько сотен тысяч долларов; всякие пешки и недоумки, которым доводилось работать с ним или на него...

Большой Джек О'Хара и Вилли Янг тоже были его ошибкой.

«Точнее – неправильной оценкой», – поправил себя Крю, свернув за угол и направившись к гостинице. Они оказались не такими глупыми, как он думал, когда посвящал их в свои планы и осуществлял то, что считал делом своей жизни. Именно своей. Не их.

Как они умудрились смыться с добычей еще до того, как захлопнулась расставленная им ловушка? Крю не мог этого понять. Как они сумели скрываться от него месяц с лишним? И ни один из них не попытался перевести украденное в наличные. Это не укладывалось в его сознании.

Он рыл землю носом и в конце концов учуял запах Джека О'Хары. Но оказалось, что след, который привел его из Нью-Йорка в гористый Мэриленд, принадлежал этой жалкой вонючке Вилли.

«Жаль, что этот маленький ублюдок заметил меня, – думал Крю. – Черт бы побрал эти городишки!» Он не ожидал, что столкнется с Вилли на улице. И тем более не ожидал, что тот бросится бежать и, как испуганный кролик, сунется под колеса проезжавшей машины. У него было большое искушение пройти по залитому дождем тротуару и пнуть окровавленное тело. На кону стояли миллионы долларов, а этот идиот выскочил на мостовую, забыв о том, что сначала нужно посмотреть по сторонам...

А потом она выбежала из магазина. Хорошенькая, рыжеволосая, с испуганным лицом. Он уже видел это лицо. Нет, знаком с ней он не был, но лицо видел. У Большого Джека были фотографии, и после пропущенной пары бутылок пива он любил вынимать их и показывать.

«Моя дочь. Ну разве не красавица? И умная, как профессор. Моя Лейни закончила университет».

Да, достаточно умная, чтобы притвориться тихоней, осесть в маленьком городке и открыть антикварный магазин. Прекрасное местечко, чтобы хранить краденое, продавать и переправлять куда нужно.

Ну, если Джек отдал дочери то, что принадлежало ему, Алексу Крю, а сам решил выйти в отставку и поселиться в Рио-де-Жанейро, о чем любил говорить, то он крупно просчитался. Ему придется вернуть чужое. Все, полностью. Они оба дорого заплатят за это. И отец, и дочь.

Крю вошел в вестибюль «Путника» и брезгливо поморщился: удобства в этой дыре были весьма относительные. Поднявшись по лестнице, он повесил на дверь номера табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ». Нужно было посидеть в тишине и обдумать следующий шаг.

Он вступит в контакт с Лейн Тавиш, представившись ей Майлсом Александером, брокером, занимающимся семейными драгоценностями. Кличка была новой – так же, как светлые волосы и усы. О'Хара знал Алекса как Мартина Лайла или Джеральда Бенсона и привык видеть его чисто выбритым, с коротко остриженными волосами цвета перца с солью.

Для увертюры можно будет поухаживать за ней; женская компания всегда доставляла ему удовольствие. Общий интерес к семейным драгоценностям – вполне достаточный предлог. Нужно будет расположить ее к себе. Он потратит на это несколько дней, а потом делает следующий шаг.

Тайника в доме Лейн не было, ключа от ячейки в банковском сейфе – тоже. Иначе два нанятых им подонка нашли бы их. Крю и сам побывал там – чтобы удостовериться наверняка.

Конечно, устраивать погром в ее доме не следовало, но он был зол и не сомневался, что Лейн забрала вещь, которая принадлежит ему. Как бы то ни было, лучше все сделать мирно, по-дружески, может быть, даже на романтический манер.

План складывался простой, но гениальный. Довольный Крю сел перед ноутбуком, нашел несколько сайтов, посвященных фамильным драгоценностям, и начал их изучать.

Лейн проснулась и обвела недоуменным взглядом тускло освещенную спальню.

Сколько времени? Какой сегодня день недели? Она откинула назад волосы и посмотрела на часы. Восемь пятнадцать. Наверняка не утра, потому что темно. Но что она делает в постели в восемь часов вечера?... Впрочем, постель была не разобрана. Лейн лежала на кровати, укутанная покрывалом, а на полу рядом с кроватью храпел Генри.

Она зевнула, потянулась... и внезапно вздрогнула.

Макс!

Лейн вспомнила, как он помогал ей убираться в гостиной и они говорили о том, что нужно будет куда-нибудь съездить пообедать. Или заказать обед на дом. Но что случилось потом? Она покопалась в сонном мозгу. Макс понес мусор на улицу, а она поднялась в спальню умыться и переодеться. Минутку посидела на кровати... нет, не посидела, а полежала. Закрыла глаза. Просто чтобы собраться с силами.

И проснулась три часа спустя. Одна.

«Он укрыл меня, – с глупой улыбкой подумала Лейн, проведя рукой по покрывалу. – И зажег свет, чтобы я не проснулась в темноте».

Она отбросила покрывало, собираясь встать, и увидела лежавшую на подушке записку:

«Вы выглядели такой хорошенькой и такой усталой, что я не стал разыгрывать принца Дезире и будить Спящую красавицу. Просто запер дверь и оставил на страже вашего свирепого пса. Спокойной ночи. Позвоню утром. Или лучше приду, чтобы увидеть вас.

Макс».

– Ну разве он не идеал? – спросила она продолжавшего храпеть Генри. Потом легла на спину и прижала записку к груди. – Я знаю, что следует с подозрением относиться ко всему идеальному, но, видит бог, мне это надоело. Я слишком устала быть осторожной, подозрительной... и одинокой.

Она полежала еще, улыбаясь себе самой. Спящая красавица проснулась!

– Знаешь, сколько времени прошло с тех пор, как я совершала что-нибудь по-настоящему безрассудное? – Она сделала глубокий вдох, а потом резко выдохнула. – Я сама не помню. Вот как давно это было. Пора снова начать игру!

Лейн прыгнула с кровати и побежала в ванную принять душ, но после секундного колебания решила, что пенная ванна подойдет для ее целей лучше. Это займет больше времени, можно будет не торопясь прикинуть, что надеть, – выбрать наряд, пригодный для обольщения Макса Гэннона.

Она приняла ванну с ароматом фрезии, а потом целых двадцать минут накладывала косметику. Почти столько же времени понадобилось, чтобы решить, распустить или подобрать волосы. Лейн остановилась на последнем варианте, поскольку Макс его еще не видел, и соорудила свободный узел на макушке, который мог рассыпаться в любую минуту.

На сей раз Лейн не стала колебаться и выбрала маленькое черное платье – оно уже не казалось ей слишком обтягивающим и вызывающим. Слава богу, что несколько месяцев назад Дженни (тогда еще не беременная) купила им обоим роскошное белье.

Вспомнив, что своему нынешнему состоянию Дженни во многом обязана именно этой покупке, Лейн сунула в сумочку несколько презервативов.

Поверх платья Лейн надела тонкий кардиган из черного кашемира; подобную роскошь она позволяла себе очень редко. Потом еще раз посмотрела в зеркало и повертелась перед ним.

– Если это его не проймает, – решила она, – то на мужчинах можно будет поставить крест.

Лейн свистнула псу, спустилась по лестнице, зашла на кухню, взяла бутылку вина и сняла поводок, висевший на крючке у задней двери.

– Хочешь в гости? – спросила она, зная, что от этого вопроса Генри всегда приходит в восторг. – Ты поедешь к Дженни. С ночевкой...

«О господи, пожалуйста, сделай так, чтобы я тоже осталась ночевать в гостях! – взмолилась она про себя. – Если этот жар не найдет выхода, я просто взорвусь!»

Пока Лейн добралась до машины и открыла дверцу, Генри проделал этот путь трижды, бегая туда и обратно. Потом прыгнул на пассажирское сиденье, улыбнулся и позволил застегнуть на себе ремень безопасности.

– Я ничуть не нервничаю, – пробормотала Лейн. – Просто не могу в это поверить, поскольку не занималась подобными вещами целых... Ладно, не стоит об этом думать, – добавила она, сев за руль. – Если я буду об этом думать, то и в самом деле занервничаю. Он мне очень нравится. Генри, это безумие, потому что я едва его знаю, но он и в самом деле очень мне нравится!

Генри гавкнул (то ли в знак понимания, то ли просто от радости), и машина тронулась.

– Это ничем не кончится, – продолжила Лейн размышлять вслух. – Он живет в Нью-Йорке, а я здесь. Но это и не должно чем-то кончиться, правда? Это ведь не любовь до гробовой доски. Просто влечение, интерес, тяга и... да, влечение. Просто сильное физическое влечение, и в этом нет ничего плохого.

Было почти десять, когда она свернула на подъездную аллею дома Дженни. «Поздно вато, – подумала Лейн. – Не слишком подходящее время, чтобы стучать в дверь гостиничного номера, где остановился мужчина. Если для этого вообще существует подходящее время...»

Дженни уже шла к машине.

– Привет, Генри! – воскликнула она, когда Лейн отстегнула Генри и открыла пассажирскую дверь. – Вот он, мой дорогой... Винс уже ждет тебя.

– Я перед тобой в долгу, – сказала Лейн, когда Генри во всю прыть понесся к дому.

– Ничего подобного. Позднее свидание, да?

– Не спрашивай. Все равно не скажу.

Дженни наклонилась так низко, как позволял живот.

– Ты что, издеваешься?

Лейн рассмеялась.

– Конечно. Все расскажу завтра. Только окажи мне еще одну услугу, ладно?

– С удовольствием. Какую?

– Помолись, чтобы было о чем рассказывать.

– Согласна. Но, судя по тому, как ты выглядишь, эти молитвы уже услышаны.

– О'кей. Раз так, вперед.

– Вперед, и зададим им жару! – Дженни сделала шаг назад, захлопнула дверцу машины и долго задумчиво смотрела вслед подруге, поглаживая себя по животу.

6

Лейн вдруг осознала, что она выглядит как женщина, которая идет на заранее назначенное свидание. Маленькое черное платье, сексуальные черные туфли на высоком каблуке, бутылка вина под мышкой...

Но так и должно было быть! Она действительно женщина, которая идет на свидание. Только мужчина, который назначил ей свидание, еще сам не знает об этом... Плевать! И даже если она столкнется с кем-нибудь из знакомых, что из того? Она взрослая, одинокая и свободная женщина. И имеет право провести с мужчиной бурную ночь без всяких взаимных обязательств.

И все же Лейн вздохнула с облегчением, не увидев в вестибюле «Путника» ни одного знакомого лица. Она нажала кнопку «Вверх» и, дожидаясь лифта, начала делать успокаивающую дыхательную гимнастику, которой научилась на курсах йоги.

Но тут же остановилась.

Она не хотела успокаиваться. Успокоиться можно будет завтра. А сегодня ей хотелось ощущать жар в крови, покалывание в животе и мурашки, бегущие по коже.

Когда дверь открылась, она шагнула в кабину и нажала на кнопку нужного этажа. Едва дверь ее лифта закрылась, как открылась дверь соседнего.

И в вестибюль вышел Алекс Крю.

Макс сидел за письменным столом, вполуха слушал включенный телевизор, просматривал свои записи и составлял отчет о событиях дня. Разумеется, кое-что в этот отчет не вошло. Зачем, например, писать о том, как он играл с Генри, целовался с Лейн, а потом укрыл ее и долго стоял рядом, наблюдая за спящей?

Все это было несущественно.

Зато Гэннон зафиксировал размеры причиненного Лейн ущерба, ее реакцию, последующие действия и попытался определить ее жизненный стиль.

Стиль был достаточно простой и неброский. Типичный для деловой женщины, живущей в маленьком городке, пользующейся уважением окружающих и с удовольствием обустроившей свой дом на склоне холма.

Но где она взяла деньги для покупки этого дома и создания собственного дела? Банковской ссуды и закладной на дом, с которыми он ознакомился не слишком законным способом, было для этого явно недостаточно. Она вложила сюда собственные средства, довольно большие для молодой женщины, которая получала после университета твердое, но не слишком значительное жалованье.

«Однако не чрезмерные», – подумал он. Ничто не напоминало, что у нее где-то есть дерево, на котором растут миллионы.

У нее был хороший автомобиль среднего класса, сделанный в США три года назад. В доме имелись неплохие произведения искусства и мебель, но при ее профессии в этом не было ничего странного. Наряды, которые он видел, говорили о классическом вкусе. Но они тоже не бросались в глаза и идеально подходили к образу молодой деловой женщины, торгующей антиквариатом.

Все в ней абсолютно соответствовало этому образу.

Она жила небогато. Не была похожа на ловкую интриганку, которых Макс повидал достаточно. Какой смысл покупать дом в глуши, заводить уродливую собаку и открывать магазин на главной улице заштатного городка, которых в Америке пруд пруди, если это не доставляет тебе удовольствия?

Женщина с такими данными могла жить где угодно и заниматься чем угодно. Отсюда следовало, что она занимается именно тем, чем хочет заниматься.

Но это не соответствовало ее характеру.

Нет, он окончательно запутался...

Макс откинулся на спинку кресла и мрачно уставился в потолок. Стоило ему посмотреть на Лейн, как здравый смысл покидал его. В ее лице, в ее голосе, в ее запахе было нечто такое, от чего у него начинала кружиться голова.

Может быть, он не видел в ней ловкую авантюристку только потому, что не хотел видеть? Черт возьми, женщины не оказывали на него подобного влияния лет примерно... Если говорить честно, такого не было никогда.

Профессиональные интересы требовали, чтобы он немного остыл. Окажется ли Лейн ниточкой к Джеку О'Харе, еще неизвестно, но если он не возьмет себя в руки, то в любом случае не сможет использовать ее.

Лучше всего, воспользовавшись каким-нибудь предлогом, уехать из города на несколько дней и залечь где-нибудь неподалеку, откуда можно будет наблюдать и фиксировать наблюдения. А для начала нужно использовать свои контакты, связи и собственное искусство сыщика, чтобы как следует покопаться в прошлой и нынешней жизни Илейн О'Хары, она же Лейн Тавиш. Когда он узнает больше, то поймет, как с ней быть. А до тех пор следует соблюдать дистанцию. Никаких обедов на две персоны, никаких посещений ее дома, никаких физических контактов, которые только усложнят дело.

Завтра утром нужно будет позвонить ей и сказать, что его срочно вызывают в Нью-Йорк. Потом он вернется, их знакомство продолжится, но перестанет быть столь тесным. Мужчина не может хорошо работать, если он блуждает в любовном тумане.

Довольный своим планом, Макс встал. Нужно будет заранее собрать вещи, может быть, спуститься в бар и пропустить стаканчик на ночь. После этого он попробует уснуть и забыть о пылких чувствах, возникших слишком быстро и неожиданно...

Его отвлек стук в дверь.

В номере уже убрались и даже положили на подушку коробочку шоколадных конфет. Значит, это не горничная, а, скорее всего, портье.

Макс ждал, что сейчас под дверь подсунут конверт. Сам он предпочитал электронную почту, но клиенты часто настаивали на том, что будут посылать ему инструкции по факсу. Не увидев конверта, он подошел к двери, посмотрел в «глазок» – и ахнул.

Какого черта Лейн Тавиш делает у его дверей?! И почему она так одета?

О боже...

Макс провел рукой по волосам и попятился. Проснувшийся профессиональный инстинкт заставил его закрыть все файлы и спрятать документы. Затем он быстро осмотрел номер и убрал все, что могло его выдать. Теперь нужно было решить, что делать с непрошеной гостьей.

Максу было ясно одно: оставаться с ней в номере не следует. Пожалуй, лучше всего отвести ее в бар, может быть, выпить с ней по стаканчику, сказать, что его вызвали в Нью-Йорк, – и уехать. Уехать как можно скорее. Немедленно.

Он снова провел рукой по волосам, пытаясь справиться с нервами. Затем нацепил на лицо слегка удивленную, но доброжелательную улыбку и открыл дверь.

То, что он увидел в «глазок», не шло ни в какое сравнение с действительностью.

На Лейн было что-то черное, короткое, подчеркивающее ослепительные формы. Ноги казались невероятно длинными в черных туфлях на высоких тонких каблуках. Свою огненную гриву она собрала в пышный узел, яркие голубые глаза загадочно мерцали, губы, накрашенные темной блестящей помадой, были мучительно влажными.

«Помоги мне господь...» – мелькнуло в голове Макса.

- Я проснулась.
- О да. Я вижу.
- Можно войти?
- Гм-м... – промямлил Макс.

Ничто более связное не приходило в голову, поэтому он просто сделал шаг назад. Лейн прошла мимо, окутав Макса запахом, от которого у него сжалось сердце.

- У меня не было возможности поблагодарить вас, и я решила это сделать сейчас.
  - Спасибо... То есть, пожалуйста, – поправился он, чувствуя себя полным идиотом.
- Лейн улыбнулась, достала бутылку и помахала ею.

- Как вы относитесь к «Мерло»?
- Очень положительно.

Она собрала всю свою волю, чтобы не рассмеяться. Гэннон смотрел на нее как загнипнотизированный. Это льстило ее женскому самолюбию.

- Достаточно положительно, чтобы разделить его со мной? – спросила она.
- Разделить?
- Вино.

– Ох... – Пару раз у Гэннона было сотрясение мозга. Именно такое ощущение отделенности от собственного тела он испытывал и сейчас. – Конечно. – Макс взял протянутую ею бутылку. – Да-да, конечно.

- Если так, то вперед!

– Вперед? – Казалось, все слова доходят до Макса с большим опозданием. – Ах да, верно. Штопор... – Он посмотрел на мини-бар, но Лейн полезла в сумочку.

- Попробуйте этим.

Она протянула ему штопор. Половину ручки составляло туловище обнаженной женщины. Вторую половину – ее ноги.

- Очень мило, – выдавил он.

– Кич, – усмехнулась Лейн. – У меня есть небольшая коллекция таких вещей. Хороший номер, – добавила она. – Кровать огромная. – Лейн подошла к окну и раздвинула шторы на несколько сантиметров. – Держу пари, вид отсюда превосходный.

- О да...

Чувствуя на себе мужской взгляд и продолжая смотреть в окно, Лейн медленно сняла с себя кардиган. Когда бутылка с громким стуком опустилась на стол, она убедилась, что платье сыграло свою роль. Макс видел только ее обнаженную спину, слегка окаймленную чем-то черным и блестящим.

Лейн подошла к кровати и взяла с подушки коробочку.

- О, шоколад! Можно попробовать?

Пробка вылетела из бутылки с удивительно громким щелчком, и Макс пробормотал:

- О боже...

Лейн надкусила конфету и медленно облизала губы.

– Я где-то слышала, что деньги говорят, а шоколад поет. Мне это нравится. – Она подошла к Максиму и поднесла вторую половинку конфеты к его рту. – Разделим и это?

- Вы меня убиваете!

– Тогда давайте выпьем, и вы умрете счастливым. – Она села на край кровати и скрестила ноги. – Я помешала вашей работе?

- Я составлял отчет. Но он может подождать.

«Пока ко мне не вернется рассудок», – добавил Макс про себя. Он налил вино и протянул бокал Лейн. Она сделала первый пробный глоток, не сводя глаз с Гэннона.

– Прошло много лет с тех пор, как кто-то укрывал меня одеялом... Я не собиралась спать, Макс.

– Но у вас была тяжелая ночь и трудный день.

– Благодаря вам он оказался не таким уж трудным.

– Лейн...

– Позвольте поблагодарить вас. С вами все оказалось удивительно легко. Мне нравится проводить с вами время. – Она сделала еще один глоток, на сей раз более продолжительный. – Нравится желать вас и думать, что вы желаете меня.

– Да я задыхаюсь от этого желания! Мозгу не хватает кислорода. А это совершенно не входило в мои планы.

– Разве вам никогда не доводилось посылать планы к черту и действовать импульсивно?

– Каждый день.

Лейн засмеялась, поставила бокал, снова наполнила его, сделала глоток и пошла к двери.

– А мне – нет. Точнее, очень редко. Но исключения только подтверждают правило.

Она открыла дверь и повесила на ручку табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ». Потом закрыла дверь, заперла и привалилась к ней спиной.

– Если вам не нравится место, то так и скажите.

Макс сделал большой глоток.

– Мне нечего сказать. Совершенно нечего.

– Это хорошо. Я была готова к грубости.

Гэннон понимал, что глупо улыбается, но ему не было до этого дела.

– В самом деле?

Она снова пошла к нему.

– Я не была уверена, что смогу вести честную игру.

– Ваше платье и есть нечестная игра.

– В самом деле? – Она допила вино и отставила бокал. – Тогда его следует снять.

– Позвольте сделать это мне. Пожалуйста. – Макс провел пальцем по молочно-белой коже, сверкавшей на черном фоне. – Позвольте.

– Сделайте одолжение.

Он напрочь забыл о профессионализме. Забыл о собственном решении сохранять эмоциональную и физическую дистанцию, которая более соответствовала бы его целям. Забыл обо всем, кроме ее нежной кожи, терпкого аромата, вкуса полных горячих губ. Он обхватил ее бедра, крепко прижал Лейн к себе и поцеловал.

Эти кожа, запах и вкус были именно тем, о чем он мечтал и в чем нуждался больше всего на свете.

Макс сознавал, что совершает ошибку. Если он овладеет ею сейчас, то фактически провалит дело. Но ощущение смертельного риска только подливало масла в огонь.

Он отвел ткань от ее плеча, прижался к коже зубами и продолжал свои ласки, пока Лейн не застонала, откинув голову.

– Кажется, кто-то говорил о планах, – еле слышно пробормотал Макс и обнажил ее другое плечо. – Так вот у меня было на вас множество планов.

– Я надеялась на это. – Лейн протянула руку и нашарила сумочку, которую положила на кровать. – Вам кое-что понадобится, – сказала она и вынула презерватив.

– К этому придется добавить дефибриллятор и огнетушитель.

– Да ну, обещаете только...

Макс улыбнулся.

– Честное слово, вы сведете меня с ума. – Он снова прильнул к ее губам. – Это то самое платье, которое нужно стаскивать, а не расстегивать?

– То самое.

– Чертовски сексуально. Что ж, давайте попробуем.

Макс действовал неторопливо и продолжал целовать Лейн, пока обоих не бросило в дрожь. Затем он отстранился, взял Лейн за руку и помог перешагнуть платье, упавшее к ногам.

– Я хочу сказать что-нибудь соответствующее случаю, но, когда от мозга отливает кровь, сделать это довольно трудно.

– А вы попробуйте.

– Ох...

– Тогда попробую я. – Лейн начала расстегивать его рубашку. – Мне нравится то, как вы смотрите на меня. Кажется, впервые в жизни я сделала что-то правильно!

– А вы все время стоите у меня перед глазами. Даже тогда, когда вас нет рядом. Со мной такое впервые, и это заставляет меня слегка нервничать.

– Наверно, есть на свете люди, предназначенные друг для друга. Может быть, поэтому все случилось так быстро. Но мне все равно. – Она сняла с Макса рубашку, провела ладонями по его груди, а потом обняла за шею. – Мне все равно, – повторила Лейн и впиалась в его губы.

Она понимала только одно: ей хочется вновь и вновь ощущать толчки крови и трепетать от ожидания. Осознавать свою власть над мужчиной, именно этим мужчиной, чувствовать на себе его взгляд и ощущать его желание. Хочется быть безрассудной, впервые в жизни выпить одним жадным глотком то, что подарила судьба, и думать только об этом мгновении, о наслаждении и страсти.

Когда Макс развернул ее спиной к себе, она подняла руки, обхватила его за шею и позволила мужским ладоням беспрепятственно изучать ее тело, обтянутое шелком и кружевами. Он ласкал губами ее шею и изгиб плеча, и его прикосновения несказанно возбуждали Лейн. Когда рука Макса спустилась ниже, Лейн сначала затаила дыхание, а потом снова горланно застонала, прижалась к нему бедрами и начала покачивать ими, ощущая горячую волну наслаждения.

Макс представлял себе все совсем по-другому. Ему казалось, что это будет более романтично – сначала они неторопливо поужинают при свечах, а потом он возьмет ее на руки и отнесет в постель. Вместо этого они упали на аккуратно застланную кровать и сплелись в клубок, изо всех сил пытаясь стать как можно ближе друг к другу. Огненные волосы Лейн рассыпались по белоснежной простыне.

– Возьми меня! – Ее губы были жадными и горячими. – Делай со мной все, что хочешь.

Они наслаждались друг другом, задыхаясь от желания и алчности. Лейн оказывалась то на нем, то под ним, а сам Макс, отчаянно стремившийся к большему, действовал грубее, чем собирался.

Лейн задыхалась, сердце ее колотилось так, что болели ребра. Кожа казалась такой горячей, что могла расплавить кости. О боже, это было замечательно...

Его руки были сильными, губы – ненасытными. Когда он наконец проник в нее, Лейн протяжно застонала и рухнула в пропасть.

– Скорее, скорее, скорее! – умоляла она, выгибалась дугой, раскрывалась ему навстречу и кричала, когда Макс вонзался в нее.

Наконец у Лейн потемнело в глазах; сердце, только что скакавшее галопом, остановилось. А затем все стало прозрачным, как хрусталь, сердце забило снова. Она видела над собой лицо Макса, все его морщинки, впадинки, небритые с утра щеки и глаза – смотревшие на нее янтарные глаза тигра. За мгновение до того, как Макс кончил и зарылся лицом в ее волосы, эти глаза стали почти черными.

Душа Лейн была спокойной, как летнее озеро. Она ощущала на себе тяжесть его тела и наслаждалась этим. Макс хватал ртом воздух. Было очень приятно сознавать, что именно

она довела его до этого. Она закрыла глаза и позволила себе забыться, полностью отдавшись охватившему ее блаженству.

– Эй, внизу, как дела? – пробормотал Макс.

– Замечательно. А как дела наверху?

– Похоже, меня парализовало, но я ничего не имею против. – Он повернул голову и коснулся губами ее щеки. – Лейн...

Она улыбнулась, не открывая глаз.

– Макс...

– Я должен сказать... Я должен сказать, что не ожидал ничего подобного, когда получил... это задание.

Лейн не поняла, что он имеет в виду, но спрашивать не стала. В конце концов, ведь и она тоже не ожидала ничего подобного.

– Я люблю сюрпризы. Было время, когда они мне разонравились, но теперь я поняла, за что люблю их. Потому что они случаются.

– Если твое появление у моих дверей в сексуальном черном платье называется сюрпризом, то я тоже люблю их... Кстати, а где Генри?

– Генри?

Макс оперся на локти и посмотрел на нее сверху вниз.

– Ты ведь не оставила его одного дома, правда? После того, что случилось вчера вечером?

Теперь она ощущала не лихорадочный жар в крови, а медленное и сладкое тепло. Он беспокоился за собаку. Ее собаку. По убеждению Лейн, мужчину, способного беспокоиться за чужую собаку, лежа в постели с женщиной, можно было назвать героем на все времена.

Она притянула к себе лицо Макса и покрыла его поцелуями.

– Нет, я не оставила его одного. Отвезла к Дженни. Ну почему ты такой идеальный?! Я всегда и всюду искала недостатки, но ты просто... – она крепко поцеловала его губы, – полное совершенство.

– Ничего подобного.

Макс не любил укоров совести. Он либо избегал, либо преодолевал их. Но в данный момент его куда больше волновало другое: что она подумает и как поведет себя, когда все о нем узнает.

– Я эгоистичный и упрямый, – сказал он. – Я...

– Эгоистичные люди не ходят по антикварным магазинам, чтобы найти подарок для матери, так что помолчи.

Чувство вины становилось все сильнее.

– Это был минутный порыв.

– Понимаю. Желание сделать сюрприз. А разве я не сказала тебе, что люблю сюрпризы? Не пытайся убедить меня, что ты не совершенство. Сейчас я слишком счастлива, чтобы... Ага, кажется, я понимаю, о чем ты думаешь. – Лейн провела ладонями по его спине. – Ты думаешь: «Похоже, она пытается превратить эту забавную и приятную игру в нечто большее».

– Ничего такого я не думаю. Тем более что это уже перестало быть забавной и приятной игрой.

– Ох... – Сердце Лейн дрогнуло, она внимательно посмотрела на Макса. – В самом деле?

– Лейн, я действительно не ждал ничего подобного. – Он опустил голову и прижался к ее губам. – Это сильно осложняет дело.

– Макс, я не хочу сейчас думать о сложностях. – Она взяла его лицо в ладони. – Разобраться во всем можно будет завтра, а сегодня будем просто наслаждаться случившимся. И друг другом. Знаешь, я очень давно не чувствовала себя такой счастливой.

– Счастливой?

– Довольной, сытой и счастливой. Но это не то счастье, от которого тянет танцевать. И единственная сложность, которая может помешать мне ощущать счастье, – это известие о том, что у тебя в Бруклине есть жена и двое ребятишек.

– Нет. Они живут в Квинсе.

Лейн сильно ущипнула его, а потом опрокинула на спину.

– Ха-ха! Очень смешно.

– В Бруклине живет моя бывшая жена.

Она села на Макса верхом и откинула волосы.

– Я вижу, ты времени даром не терял.

– Каждому свое. Ты вот коллекционируешь штопоры, а некоторые парни коллекционируют женщин. Моя последняя любовница живет в Атланте, но я не прочь завести еще одну. Ты будешь моей мэрилендской милашкой.

– Милашкой? Я всегда мечтала стать чьей-то милашкой. Согласна.

Макс обнял ее и крепко прижал к себе. «Сложности, – думал он. – Куча сложностей. Очень скоро придется столкнуться с ними вплотную – и ей тоже. Но не сегодня. Сегодня я поймаю ее на слове и буду просто наслаждаться».

– Ты останешься со мной? Останься, Лейн!

– Я думала, что ты так и не попросишь.

– Не уходи. – Как только эти слова сорвались с губ Макса, он понял, что до сих пор никогда не говорил их женщине. Почему же сказал сейчас? Может быть, в этом был виноват недостаток сна и сексуальное утомление? Или она сама?...

– Уже четвертый час.

– Вот именно. Так что возвращайся в постель. Мы полежим вместе, немного поспим, а потом закажем завтрак.

– Звучит заманчиво, но это мы тоже отложим до другого раза. – Она решительно натянула платье, даже не надев белья. – Мне в самом деле пора. Нужно вернуться домой, пару часов вздремнуть, переодеться, съездить за Генри, отвезти его домой, а потом снова ехать в магазин.

– Если ты останешься здесь, то сможешь забрать Генри по дороге домой.

– И дать повод для сплетен? Здешние кумушки будут перемывать мне кости до самого Рождества. – Она так старательно создавала имидж типичной обитательницы маленького городка, что начала и в самом деле бояться злых языков. – Если женщина выйдет утром из гостиницы в таком платье, все дружно поднимут брови. Таков наш Гэп, и с этим ничего не поделаешь.

– Я дам тебе взаймы рубашку.

– Я пошла! – Она улыбнулась и сунула белье в сумочку. – Но если хочешь пообедать со мной вечером...

– Назови время и место.

– В восемь у меня. Я умею готовить.

– Готовить? – Макс дважды моргнул и уставился на нее во все глаза. – В смысле, готовить еду?

– Нет, заговор против правительства... Конечно, еду! – Лейн посмотрела в зеркало, вынула из туго набитой сумочки маленькую щетку и провела ею по волосам. – Что ты любишь?

– Из еды?

– Ладно, я что-нибудь придумаю. – Убедившись, что она выглядит более-менее прилично, Лейн сунула щетку на место, подошла к кровати, наклонилась и нежно поцеловала Макса. – До встречи.

Когда за ней хлопнула дверь, Макс не пошевелился. Просто лежал и смотрел в потолок, ощущая вкус ее губ.

Все это не подчинялось рассудку. Ни то, что случилось между ними, ни то, что он чувствовал к ней, ни то, кем она была на самом деле. Сейчас ему было ясно только одно: с самого начала он неправильно понял ее характер. Совершенно неправильно, и это не имело никакого отношения к железам внутренней секреции, сатаневшим от ее запаха.

Если Лейн Тавиш участвовала в краже на десятки миллионов долларов, то он готов съесть собственную лицензию частного сыщика.

Разумеется, это не объясняло, почему Уильям Янг приехал к ней. Не объясняло, почему он умер. Не объясняло, почему ее дом ограбили. Но Макс не сомневался, что объяснения есть, и он найдет их. Он это умеет. А как только требования клиента будут удовлетворены, он расскажет Лейн все.

Может быть, она всего лишь слегка расстроится.

«Не морочь себе голову, Гэннон». Конечно, она придет в ярость, но он ее убедит. Убеждать он тоже умеет.

Чтобы расхлебать кашу, которую он заварил, нужно было воспользоваться логикой. А логика подсказывала, что Илейн О'Хара порвала связи с отцом, сменила имя, слегка подчистила свою родословную и начала самостоятельную жизнь. Все указывало на это, в том числе и его интуиция.

Это не означало, что Большой Джек, Вилли или кто-нибудь из их дружков не знал, где она живет. Не означало, что между ними не было случайных контактов. Вилли мог искать Лейн, чтобы попросить спрятать его. Мог привезти ей какое-нибудь сообщение от отца. Но какова бы ни была его цель, Вилли умер, и задавать ему вопросы не имело смысла. «Он уже никогда не получит свою долю, – думал Макс. – Кстати, это сильно повышает прибыль оставшихся».

Финансовое положение Лейн все еще оставалось для него загадкой, но он не сомневался, что разберется с этим. Чтобы внести первый взнос за дом или начать собственное дело, достаточно нескольких тысяч, одолженных в разных местах. По сравнению с суммой в двадцать восемь миллионов это ничто. Даже если эту сумму поделить на несколько человек.

Одно он знал наверняка: Лейн не хранила у себя ничего такого, за что можно было бояться. Иначе она не оставила бы дом без присмотра и не отправилась на ночь глядя согреть простыни в гостиничной кровати.

Кроме того, во время кражи драгоценностей она находилась в Эйнджелс-Гэп. Черт возьми, она порвала с Большим Джеком и избавилась от его влияния десять лет назад...

Однако чтобы оправдать Лейн и вычеркнуть ее имя из списков подозреваемых, нужно проверить все. Придется еще раз осмотреть ее магазин, и чем скорее он это сделает, тем скорее дело сдвинется с мертвой точки.

Макс посмотрел на часы и убедился, что до рассвета осталось добрых три часа. Время было самое подходящее.

7

Его удивило, что дочь такого опытного вора и мошенника оснастила свой магазин стандартными замками и допотопной охранной системой. С ней мог бы справиться даже двенадцатилетний мальчишка, вооруженный швейцарским армейским ножом и мало-мальски развитым воображением. Макс решил, что нужно будет убедить Лейн позаботиться об охране дома и магазина. Может быть, в маленьком городке и не требуются хитроумные запоры или камеры слежения, но она не подумала даже о подсветке. А о двери и говорить нечего. Если бы он действительно был не слишком щепетильным вором, то выбил бы ее двумя ударами ноги.

Так или иначе явная нелюбовь Лейн к предосторожностям сильно упростила его задачу. Он отключил охранную систему и вскрыл заднюю дверь на случай, если какой-нибудь тип, страдающий бессонницей, решит перед рассветом прогуляться по Маркет-стрит. Да, все складывалось слишком легко, но это еще не повод, чтобы позволять себе беспечность и отступать от своих привычек.

В городке было так тихо, что он слышал гул котла парового отопления в одном из домов. И длинный тоскливый свисток скорого поезда, зловеще прозвучавший вдалеке. В деловом центре Эйнджелс-Гэп – если его можно было так назвать – не было ни пьяниц, ни наркоманов, ни бездомных, ни бродяг, ни попрошаек. Поневоле засомневаешься, что ты находишься в Америке.

«Даже не по себе становится», – подумал Макс.

Тротуар исправно освещали старомодные уличные фонари, среди которых не было ни одного разбитого. Витрины всех магазинов были сделаны из тонкого стекла. И так же, как во «Вспомни, когда», не были оснащены ни железными ставнями, ни тревожной сигнализацией.

Неужели здесь ни разу не бросали кирпичом в окно, не хватали то, что плохо лежит, и даже не пинали ногами в дверь после ночной гулянки? ... Макс представил себе Нью-Йорк в три часа двадцать семь минут пополудни. Самое подходящее время для поиска приключений на свою голову. На улице полно машин и пешеходов, а все магазины надежно заперты на ночь.

Может быть, в городе, где не ждут неприятностей, и преступлений на душу населения совершается меньше? Гипотеза была интересная. Как-нибудь на досуге он ее обдумает. Но не сейчас, когда замок задней двери магазина наконец поддался.

«Я проведу здесь не больше часа, – пообещал себе Макс. – Потом вернусь в гостиницу, немного посплю, затем позвоню в Нью-Йорк и доложу клиенту: все доказательства указывают на то, что Лейн Тавиш не причастна к этому делу».

Это даст ему право все объяснить Лейн. А как только она успокоится, то станет для него бесценным источником информации, которая позволит найти Большого Джека и украденные бриллианты.

И получить за это приличный гонорар.

Макс тихо закрыл за собой дверь и протянул руку к фонарику, собираясь включить его. Но в следующее мгновение на голову его обрушился страшный удар, а перед глазами вспыхнул на секунду ослепительный свет, а потом все померкло.

Он очнулся в полной темноте. В ушах звенело так, словно его маленький племянник стоял рядом и радостно гремел крышками кастрюль. Кажется, падая, он сумел перекатиться на спину. Но голова кружилась и болела так сильно, что Макс в этом сомневался.

Он поднял руку, пытаясь удостовериться, есть ли у него голова вообще, и почувствовал, что по пальцам потекло что-то влажное и теплое.

И тут гнев пересилил боль. Черт побери, мало того, что его подстерегли и сбили с ног. Теперь придется идти в больницу и накладывать швы, а это куда хуже.

В мозгу яснее не стало, но он сумел сесть. Теперь бы еще подняться на ноги и включить свет. Успокоиться и понять, что случилось.

Макс вытер кровь, открыл глаза и уставился на открытую заднюю дверь. Тот, кто ударил его сзади, давно ушел. Макс попытался встать, собираясь быстро осмотреть помещение, а потом последовать примеру своего врага.

И тут в проеме неожиданно вырос коп.

Макс долго смотрел на Винса Бергера, а потом пробормотал:

– Вот дерьмо...

– Послушайте, вы можете обвинить меня во взломе. Конечно, я оправдаюсь, но это обидно. Очень обидно.

– Я уже обвинил вас во взломе. – Винс откинулся на спинку своего начальственного кресла и невесело улыбнулся Макс, сидящему в кресле напротив. «С пластырем на виске и в наручниках этот малый больше не выглядит заносчивым жителем большого города», – подумал Винс. – И в попытке кражи.

– Черт побери, я ничего не украл, и вы сами это знаете!

– Да. В разгар ночи вы проникаете в магазины только для того, чтобы посмотреть на товары. Разглядываете витрины, но делаете это изнутри. – Винс поднял пакет с вещественными доказательствами и потряс им. Там лежали инструменты Макса и его электронная записная книжка. – А это носите с собой на случай мелкого домашнего ремонта.

– Послушайте...

– Я могу обвинить вас во владении воровским инструментом.

– Черт побери, это обычная записная книжка, которая есть у каждого.

– У меня ее нет.

– И совершенно напрасно, – язвительно ответил Макс. – Послушайте, если я оказался в магазине Лейн, то у меня были для этого свои причины.

– Вы вламываетесь в магазины и дома всех женщин, которым назначаете свидания?

– Я никогда не вламывался в ее дом. В него вломился тот, кто первым забрался в магазин и ударил меня по голове. Это элементарно, Ватсон. Я понимаю, вы защищаете ее, но все же...

– Чертовски верно. – Глаза Винса стали твердыми и колючими. – Она мой друг. Близкий друг. И мне не нравится, что какой-то подонок из Нью-Йорка причиняет вред моим друзьям.

– Подонок из Джорджии. В Нью-Йорке я только живу. Я провожу расследование по заказу клиента. Частное расследование.

– Вы можете говорить что угодно, но я не нашел вашего удостоверения частного сыщика.

– Вы не нашли и мой бумажник, – огрызнулся Макс. – Потому что его забрал тот, кто оглушил меня. Черт побери, Бергер...

– В моем кабинете попрошу не выражаться.

Только этого не хватало... Макс откинул голову и устало закрыл глаза.

– Проклятие, я не требовал адвоката, но умоляю вас дать мне аспирин. Могу даже заплакать, если хотите.

Винс открыл ящик стола и достал пузырек с таблетками. Может быть, он нарочно задвинул ящик с грохотом, чтобы заставить Макса поморщиться, но зато встал с кресла и наполнил чашку водой.

– Вы знаете, что я говорю правду. – Макс принял сразу две таблетки и запил водой. – Вы наверняка уже все проверили. И знаете, что я частный сыщик, имеющий лицензию. Знаете, что я был полицейским. А пока вы даром тратите время и давите мне на психику, человек, который сделал это, уносит ноги. Вам нужно...

– Не указывайте мне! – Гнев, прозвучавший в голосе Винса, заставил Макса вспомнить о наручниках. – Вы рассказали все это Лейн? Что вы были копом, стали частным сыщиком и приехали в Гэп по служебному заданию?

«Вот везет, – подумал Гэннон. – Напоролся на типа, который считает себя вторым Чаком Норрисом».

– Что вас больше волнует – моя связь с Лейн или мое вторжение в магазин?

– И то и другое. Какое дело вы расследуете?

– Я не могу посвятить вас в подробности без согласия моего клиента.

«А клиент не будет в восторге от того, что нанятый им сыщик оказался не в ладах с законом, – добавил он про себя. – Точнее, попался, как салага. Но это уже другая проблема».

– Послушайте, когда я вошел, кто-то уже был в магазине, и именно этот человек устроил погром в доме Лейн. Сейчас нужно в первую очередь думать о ней. Вы должны послать к ней помощника и удостовериться...

– Держите ваши дурацкие советы при себе!

– Делайте со мной что хотите, мне все равно. Но Лейн нуждается в защите.

– Я вижу, вы хорошо поработали. – Винс наклонился к нему, опершись локтями на стол, и у Макса сжалось сердце. Он понял, что этот человек настроился на долгий разговор. – Забавно, что вы приехали из Нью-Йорка сразу после того, как я отправил другого нью-йоркского парня в морг.

– Да. Я и сам смеюсь, – холодно ответил Макс. – Но в Нью-Йорке живет восемь миллионов человек. Вполне естественно, что где-то время от времени случайно появляется сразу несколько человек оттуда.

– Не вижу в этом ничего случайного. Какой-то малый приходит в магазин Лейн, чего-то пугается, бежит на улицу и погибает под колесами машины. Потом появляетесь вы, приглашаете ее на обед, ухаживаете за ней, а тем временем кто-то врывается в ее дом и устраивает там погром. Затем вы оказываетесь в ее магазине в половине четвертого ночи, вооруженный воровским инструментом. Что вы ищете, Гэннон?

– Душевного покоя.

– Что ж, желаю удачи, – усмехнулся Винс.

В следующую минуту в коридоре послышался топот, и в комнату влетела Лейн. На ней были старые джинсы и кроссовки, волосы собраны в конский хвост, под глазами залегли тени от недосыпа.

– Что происходит? Ко мне приехал Джерри, сказал, что в магазине случилась какая-то неприятность и что я должна явиться к вам. Какая неприятность? Что... – Увидев наручники, Лейн осеклась, потом подняла глаза и посмотрела на Макса. – Что это?

– Лейн...

– Помолчите минутку! – велел Винс Гэннону. – Магазин взломали, – сказал он, обратившись к Лейн. – Насколько я знаю, там все цело. Но тебе придется взглянуть самой и определить, не пропало ли что-нибудь.

– Понимаю. – Она, видимо, хотела сесть, но передумала и только взялась за спинку стула. – Нет, не понимаю! Зачем ты надел на Макса наручники?

– Я получил анонимный звонок, что в районе твоего магазина происходит кража со взломом. Прибыв туда, я обнаружил его. Внутри. При нем был приличный набор отмычек.

Лейн сделала глубокий вдох, затем резко выдохнула и посмотрела Макс в лицо.

– Ты залез в мой магазин?

– Нет. Точнее, да, но уже после того, как это сделал кто-то другой. Этот «кто-то» шарахнул меня по башке, потом позвонил в полицию и заставил отдуваться за все.

Лейн посмотрела на пластырь, но уже без всякого сочувствия.

– Это не объясняет, что ты там делал среди ночи. – «После того, как я ушла от тебя, – подумала она. – После того, как переспала с тобой».

– Могу объяснить, но для этого мне нужно остаться с тобой наедине. Десять минут. Дай мне десять минут.

– Ладно, будь по-твоему... Винс, я могу поговорить с ним наедине?

– Не советую.

– Я частный сыщик, имеющий лицензию. Он знает это, – Макс показал большим пальцем на Винса. – Веду расследование по поручению своего клиента и выполняю его указания. Большого пока сказать не могу.

– Тогда вы даром тратите наше время, – отрезал Винс.

– Десять минут, Лейн!

Частный сыщик? Расследование?... Лейн понадобилось какое-то время, чтобы справиться с ударом, а затем она поняла, что это каким-то образом касается ее отца. Она ощутила боль, гнев и покорность судьбе, но не подала виду.

– Винс, пожалуйста, оставь нас одних. Это личное дело.

– Ну что ж... – Винс поднялся. – Только для тебя. Я буду за дверью. Не делайте глупостей, – сказал он, обратившись к Максусу. – Иначе к старым синякам добавятся новые.

– Друзья очень опекают тебя, – заметил Макс, когда дверь за Винсом, захлопнулась.

– Я вижу, тебе не жаль тратить драгоценное время на пустую болтовню.

– Ты не могла бы сесть?

– Могла бы, но не буду! – Лейн подошла к стоящей в углу кофеварке. Нужно было чем-то занять руки, иначе она вцепилась бы Гэннону в лицо. – В какую игру ты играешь, Макс?

– Я работаю на «Рилайенс Иншуранс», и разговор с тобой без санкции моего клиента является нарушением служебной этики.

– В самом деле? Ты вломился в мой магазин после того, как переспал со мной, но это нарушение этики тебя, кажется, нисколько не волнует.

«Будь все проклято!» – подумал Макс.

– Я могу извиниться, но это ничего не изменит. Можешь злиться на меня, если хочешь...

– Да, хочу! И буду. – Лейн сделала глоток горького черного кофе.

– Но сейчас речь не о том. Лейн, ты в опасности.

Она подняла брови и показала взглядом на наручники:

– Я?

– Сколько людей знает, что ты Илейн О'Хара?

Лейн и глазом не моргнула. Макс не ожидал от нее такой выдержки.

– Видимо, ты один. Я давно не пользуюсь этой фамилией. Сменила ее на фамилию отчима много лет назад. И не понимаю, какое тебе до этого дело. – Она еще раз глотнула кофе. – Может, лучше поговорить о том, почему через час после того, как мы занимались любовью, тебя арестовали за взлом моего магазина?

Лицо Макса стало виноватым, но это не принесло ей ни малейшего удовлетворения.

– Одно с другим не связано.

Лейн кивнула и отставила чашку.

– С такими ответами нам десять минут не понадобятся.

– Уильям Янг умер у дверей твоего магазина, – сказал Макс, когда она шагнула к двери. – Согласно показаниям свидетелей, умер чуть ли не у тебя на руках. Ты должна была узнать его.

Лицо Лейн на мгновение дрогнуло, на нем отразилась скорбь. Но она быстро справилась с собой.

– Это больше похоже на допрос, чем на объяснение. Я не собираюсь отвечать на вопросы человека, который лгал мне и использовал меня. Выкладывай, что ты здесь делаешь и что тебе нужно, иначе я позову Винса, и тогда пеняй на себя!

Несколько мгновений Макс молчал. Сомневаться не приходилось: она бросит его, хлопнет дверью и уйдет. И тут он понял, что скорее пожертвует своей работой, чем позволит этому случиться.

– Я залез в твой магазин, потому что хотел снять с тебя все подозрения. Утром я собирался позвонить своему клиенту, сообщить, что ты не имеешь ни малейшего отношения к преступлению, а потом рассказать тебе правду.

– К какому преступлению? Какую правду?

– Черт побери, сядь, пожалуйста. Я устал выгибать шею.

Она села на ближайший к двери стул.

– Вот. Ты доволен?

– Шесть недель назад из здания Международной ювелирной биржи в Нью-Йорке были украдены бриллианты, оцененные и застрахованные «Рилайенс» на сумму в двадцать восемь и четыре десятых миллиона долларов. Два дня спустя на строительной площадке в штате Нью-Джерси было найдено тело некоего Джерома Майерса, торговца драгоценными камнями, имевшего офис в здании биржи. Расследование установило, что этот человек был наводчиком. То же расследование установило, что он был связан с Джеком О'Харой и Уильямом Янгом.

– Минутку, минутку... Ты хочешь сказать, что мой отец совершил кражу на двадцать восемь миллионов? И имел отношение к убийству? Первое абсурдно, второе невозможно. Джек О'Хара, конечно, страдал манией величия, но на самом деле был пешкой. И никогда никого пальцем не тронул. Никогда.

– Времена меняются.

– Но не до такой степени.

– У копов недостаточно улик, чтобы предъявить обвинение Джеку или Вилли, но они много бы дали за возможность потолковать с ними. Поскольку Вилли уже ни с кем потолковать не сможет, остается Большой Джек. Страховые компании очень злятся, когда им приходится выплачивать крупные суммы.

– И тут на сцену выходишь ты?

– У меня возможностей больше, чем у копов. Но и расходы немаленькие.

– И гонорар тоже, – добавила она. – Сколько ты берешь?

– Пять процентов от возвращенной суммы.

– Пять процентов от двадцати восьми и четырех десятых – это... – Она прищурилась и начала считать. – Миллион четыреста двадцать тысяч! Неплохо.

– Моя работа того стоит. Я потратил на нее уйму времени. И выяснил, что Джек и Вилли участвовали в этом. А еще я выяснил, что там был и третий.

– Я? – Лейн расхохоталась бы, если бы не испытывала такого гнева. – Выходит, я надела черное трико, маску, съездила в Нью-Йорк, украдала драгоценные камни стоимостью в двадцать восемь миллионов, взяла свою долю и вернулась кормить собаку?

– Нет. Хотя в черном трико ты смотрелась бы неплохо. Алекс Крю – это имя тебе ничего не говорит?

– Нет.

– Незадолго до кражи Джерома Майерса и твоего отца видели с этим человеком. Крю пешкой не назовешь, но это рекорд и для него. Не буду тратить время. Просто скажу, что, если он найдет тебя, это плохо кончится.

– А зачем ему вообще искать меня?

– Затем, что ты дочь Джека, а Вилли умер через несколько минут после разговора с тобой. Лейн, что он тебе сказал?

– Ничего... О господи, я видела его в последний раз, когда была ребенком. Я не узнала его, пока... В общем, когда он вошел, я не узнала его. Макс, ты взял ложный след. Джек О'Хара не смог бы организовать и повернуть такое дело. А если бы по какой-то случайности участвовал в нем, то тут же удрал бы, получив свою долю. Уверю тебя, он не стал бы претендовать на двадцать восемь миллионов. Такие деньги ему и не снились. Он просто не знал бы, что с ними делать.

– Тогда почему сюда приходил Вилли? Что его напугало? Почему кто-то забрался в твой дом и магазин? Кем бы ни были эти люди, в твоём доме они явно что-то искали. То же самое они собирались сделать и в магазине, но я помешал им. Ты слишком умна, чтобы не понять этого.

– Если кто-то ищет меня, то, возможно, благодаря тебе. У меня ничего нет. Я не разговаривала с отцом пять лет, а не виделась еще дольше. Мне нравится жить здесь, я буду продолжать эту жизнь и никому не позволю разрушить ее. Ни тебе, ни отцу, ни мифическому третьему участнику. – Она поднялась. – Я попрошу Винса снять с тебя наручники и отпустить. А за это ты оставишь меня в покое и уберешься к чертовой матери.

– Лейн...

– Помолчи! – Она потерла лоб рукой; только сейчас Макс понял, как она устала. – Я нарушила собственные правила, дала волю порыву и получила по заслугам.

Лейн вышла в коридор и слабо улыбнулась Винсу.

– Прости за то, что причинила тебе хлопоты. Мне бы хотелось, чтобы ты отпустил Макса.

– Почему?

– Винс, произошло дурацкое недоразумение, и главным образом по моей собственной вине. Макс пытался убедить меня, что в магазине нужно поставить хорошую охранную систему, а я спорила и уверяла, что это ни к чему. Мы слегка поцапались, и он решил залезть в магазин, чтобы доказать свою правоту.

– Милая, это чушь. – Винс ласково потрепал ее по щеке.

– Я бы хотела, чтобы в твоём рапорте все прозвучало именно так... если об этом вообще нужно составлять рапорт. И чтобы ты отпустил его. Нет смысла выдвигать против него обвинение. Он все равно воспользуется своей лицензией частного сыщика, помощью богатого клиента, дорогих адвокатов и от всего отопрется.

– Лейн, мне нужно знать, что все это значит.

– Я понимаю. – Фундамент ее новой жизни слегка дрогнул. – Дай мне немного времени, ладно? Сейчас я так устала, что ничего не соображаю.

– Ладно. Что бы ни было, я на твоей стороне.

– Надеюсь.

Лейн не собиралась переживать. Она слишком много работала и слишком многого добилась, чтобы переживать из-за какого-то парня с протяжным южным акцентом. «Обольститель!» – думала Лейн, расхаживая по дому. Кто-кто, а она была обязана сразу понять это. Кем был ее отец, как не профессиональным обольстителем, мошенником с хорошо подвешенным языком?

«Это судьба, – с горечью подумала она. – Видно, мне на роду написано становиться жертвой таких типов. Макс Гэннон лгал и морочил мне голову, прикрываясь законом, но это дела не меняет».

Лейн чувствовала, что здание, которое она так долго строила, грозит рухнуть. Если она не объяснится с Винсом, он больше не сможет ей доверять. Но сможет ли он доверять ей, когда узнает правду?...

Конечно, можно было собрать вещи, уехать куда-нибудь и начать все сначала. Именно так всякий раз поступал Большой Джек, когда начинало попахивать жареным. Но будь она проклята, если сделает то же самое! Это ее дом, ее город, ее жизнь. Она не бросит их только из-за того, что какой-то проныра-сыщик из большого города оставил ее с носом.

«И с разбитым сердцем», – призналась она себе. Да, за гневом и тревогой скрывалось разбитое сердце. С Максом она дала себе волю. Рискнула и доверилась ему телом и душой, а он предал ее. Поступил, как все мужчины, которые были ей по-настоящему дороги.

Лейн опустила на диван, и Генри тут же сунул морду ей под руку, требуя, чтобы его погладили.

– Не сейчас, Генри. Не сейчас.

Пес почувствовал, что с хозяйкой творится что-то не то, сочувственно заскулил, потом описал пару кругов и лег на пол у ее ног.

«Я получила хороший урок, – сказала себе Лейн. – Отныне единственным мужчиной в моей жизни будет Генри. Пора перестать жалеть себя и начать думать».

Она уставилась в потолок.

Драгоценные камни на сумму двадцать восемь миллионов? Абсурдно, невозможно, даже смешно! Большой, громогласный Джек и тихий, безвредный Вилли сорвали банк? Вытянули козырного туза в самом центре Нью-Йорка? Невозможно. Особенно для человека без связей, талантов и положения в обществе.

Впрочем, бывает всякое...

А вдруг Макс прав? Вдруг произошло чудо? В конце концов, она не виделась с отцом много лет, а бриллианты, самые дорогие из драгоценных камней, могут сделать с человеком что угодно. Миллионы. Десятки миллионов. Это могло стать делом жизни. Игра стоила свеч. Если Джек действительно...

Нет, ничего не выходило.

Любовь к отцу, которая все еще жила в ее душе, могла заставить Лейн поверить, что он наконец совершил что-то великое. Но никто и ничто не убедило бы ее, что Джек О'Хара участвовал в убийстве. Лжец, мошенник, вор с резиновой совестью – о да, все это можно было о нем сказать. Но причинить кому-то физический вред? Невозможно.

Джек никогда не носил оружия. Более того, испытывал перед ним ужас. Лейн до сих пор помнила рассказ о том, как он получил свой первый срок. Это случилось еще до ее рождения. Удирая на машине после кражи со взломом, он сбил кошку. После чего не только остановился, но отвез раненое животное к ветеринару. Местные копы обнаружили машину – конечно, тоже краденую – на стоянке у лечебницы.

Кошка оправилась и прожила долгую счастливую жизнь, а Большой Джек отсидел два года из полученных пяти.

Нет, он ни за что не стал бы участвовать в убийстве Джерома Майерса!

Но ведь и хитреца можно перехитрить, верно? А вдруг он ввязался в дело, которое оказалось куда крупнее и серьезнее, чем он думал? Вдруг кто-то держал у него перед носом морковку и заставлял бежать вперед?

В это можно было поверить.

Значит, он послал Вилли, чтобы тот рассказал или передал ей что-то. Только Вилли умер, так ничего и не сделав. Но он пытался предупредить ее. «Теперь он знает, где ты», – вспомнила Лейн. А что, если Вилли имел в виду Макса? Увидел Макса, испугался, бросился бежать и выскочил на мостовую?

«Спрячь песика»... Черт побери, какого еще песика?! Может быть, Вилли оставил в магазине какую-нибудь фигурку собаки? Но тогда она обязательно бы ее заметила. Лейн всегда сама оформляла все витрины и терпеть не могла, когда вещи стояли не на своем месте.

Может быть, он сказал не «спрячь песика», а «спрячь мешочек»?³ Наверно, она не так его поняла. Драгоценные камни можно положить в мешочек. Но никакого мешочка он ей не давал, а если бы мешочек с драгоценностями остался у Вилли, полиция его обнаружила бы.

Впрочем, думать об этом не имело никакого смысла. Разве можно верить слову человека, который лгал ей?

Лейн тяжело вздохнула. Кто бы говорил о честности! Она сама лгунья. И держится на плаву только благодаря лжи.

Лейн понимала, что придется все рассказать Винсу и Дженни, хотя воспитание, полученное в детстве, мешало ей откровенничать с копом. Но она решила, что с этим как-нибудь справится. Нужно только найти подходящие слова.

– Гулять, Генри!

Эта фраза подействовала как заклинание. Только что дремавший пес подскочил и опрометью помчался к парадной двери, а Лейн подумала, что прогулка поможет ей собраться с мыслями и придумать, что сказать друзьям.

Генри вылетел наружу, как пушечное ядро. Лейн пошла за ним и увидела в конце переулка машину Макса. Он сидел за рулем, прикрыв глаза темными очками, но эти глаза наверняка были открыты и пристально следили за домом.

– Какого черта ты здесь делаешь? – недовольно спросила Лейн, подойдя к машине.

– Я же сказал, что тебе грозит беда. – Макс открыл дверцу и поднялся ей навстречу. – Может быть, ее навлек на тебя я; может быть, это случилось еще до моего приезда. Но, как бы там ни было, я не спущу с тебя глаз, нравится тебе это или нет.

– Я научилась сама заботиться о себе еще раньше, чем научилась играть в «три листика». Единственный сторожевой пес, который мне нужен, это Генри.

Поскольку в данный момент Генри пытался забраться на дерево, гоняясь за белкой, Макс ограничился тем, что бросил на него сердитый взгляд.

– Я все равно никуда не уеду.

– Если ты думаешь, что получишь свои пять процентов, сидя у моего дома, то сильно ошибаешься.

– Пойми же, я не сразу понял, что ты не имела отношения к этому делу. Но так было не всегда, – добавил Макс, когда Лейн фыркнула и отвернулась. – Когда я впервые увидел тебя, то был уверен, что ты участвовала в нем. Пришлось провести проверку, и только тогда я убедился, что концы с концами не сходятся и что ты тут ни при чем.

– Большое спасибо. Если так, то зачем ты забрался в мой магазин?

– Моему клиенту нужны факты, хотя лично я больше доверяю своей интуиции. Если бы женщина прятала у себя часть этих проклятых бриллиантов стоимостью почти в тридцать миллионов, черта с два она позволила бы едва знакомому человеку подметать полы и выносить мусорное ведро... Но после того, как я побывал в твоём доме, мне нужно было осмотреть магазин и удостовериться, что там тоже ничего нет.

– Ты пропустил один этап, Макс. Забыл про то, как мы голые кувыркались в кровати.

– О'кей, согласен. Ты видишь нимб? – Он показал пальцем на свою макушку.

Лейн с трудом подавила улыбку.

– Нет, – прищурившись, сказала она. – Зато, кажется, вижу рога и хвост.

– Ладно, тогда ответь мне на один вопрос. Мужчина открывает дверь своего номера и видит потрясающую женщину, женщину, от которой у него кружится голова. И эта женщина

---

³ Английские слова «pouch» (песик) и «pouch» (мешочек) звучат похоже.

намекает, нет, будем называть вещи своими именами – прямо говорит, что хочет провести с ним ночь любви. Как, по-твоему, способен мужчина закрыть дверь перед ее носом?

Лейн пожала плечами:

– Пожалуй, нет. А теперь ответь на мой вопрос. Имеет право женщина, проведшая ночь любви с человеком, который использовал ее, лгал ей, скрывал свои настоящие цели, дать этому человеку здорового пинка в зад?

– Да, имеет. – Он снял темные очки и сунул в передний карман джинсов. Оба прекрасно понимали, что означает этот жест: «Смотри на меня. Ты должна не только слышать, что я говорю, но и видеть, как я говорю. Это очень важно». – Имеет, Лейн. Даже если интерес, который он к ней испытывал, превращается в нечто такое, с чем он до сих пор ни разу не сталкивался и что само по себе дает ему пинка в зад... Думаю, вчера вечером я влюбился в тебя.

– Как ты смеешь говорить мне такие вещи?

– Сам поражаюсь. И все же говорю. Думаю, это случилось примерно тогда, когда я убирал твою гостиную и выносил мусорное ведро. Правда, в тот момент я еще как-то сумел сохранить равновесие. Но окончательно рухнул в пропасть, когда мы занимались любовью.

– А почему я должна этому верить?

– Не должна. Ты должна дать мне пинка в зад, отряхнуть руки и уйти. И все же я надеюсь, что ты этого не сделаешь.

– У тебя настоящий талант говорить нужные слова в нужное время. Это очень полезное искусство, но мне оно кажется довольно подозрительным. – Она отвернулась и потеряла руки, пытаюсь согреться.

– Когда речь идет о работе, я всегда говорю и делаю то, что считаю нужным. Однако сейчас речь не об этом. Прости, если я причинил тебе боль, но этого требовала моя работа. Поступить по-другому я просто не мог.

Она желчно рассмеялась.

– Да уж...

Макс нахмурился:

– Но я люблю тебя. Эта любовь шарахнула меня кирпичом по голове, и я до сих пор не пришел в себя. Тут я тоже не мог поступить по-другому. В общем, решать тебе. Все козыри у тебя на руках. Ты можешь продолжить игру, а можешь бросить ее и уйти.

«Решать мне, – думала Лейн. – Разве не к этому я стремилась? Делать самостоятельный выбор, пользоваться всеми возможностями, которые тебе представляются... Но мы оба прекрасно знаем, что можно иметь на руках одни козыри и все равно прогнуться в пух и прах».

Осмотрительная Лейн Тавиш старалась бы играть по маленькой, чтобы потерять не слишком много. Но Илейн О'Хара попробовала бы сорвать банк.

– Первую часть своей жизни я обожала человека, который был не способен сказать правду даже тогда, когда она сама рвалась с языка. Этого человека звали Джек О'Хара. – Лейн тяжело вздохнула. – Вторую часть жизни я прожила с женщиной, которая пыталась порвать с ним. Пыталась скорее для меня, чем для себя, и это заставило меня задуматься. Наконец она одержала победу. Следующую часть я прожила с очень порядочным человеком, которого очень люблю и который заменил мне отца. Однако этот добрый и достойный человек так и не сумел занять в моем сердце то место, которое занимал отъявленный враль... Как бы то ни было, последнюю часть своей жизни я провела так, как хотела сама: спокойно и удобно. А ты, Макс, перевернул все вверх дном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.